ДОМЪ МОЛЧАНІЯ,

ПОВѢСТЬ ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ.

Частъ Вторая.

ДОМЪ МОЛЧАНІЯ,

ПОВѢСТЬ ФИЛОЗОФИЧЕСКАЯ.

ВЪ страшное сїе мгновенїе ока безъ сомнѣнїя я лишенъ былъ чувствъ, и по тому не ощутилъ никакой болѣзни. Однако безпамятство мое вскорѣ изчезло; и я мало по малу приходя въ себя, удержалъ въ памяти моей мнѣ по томъ приключившееся. Тогда вкусилъ я все то, что медлительная и неизбѣжимая смерть ужаснаго въ себѣ имѣть можетъ.

Одно воображенїе того мѣста, въ которомъ я находился, приводило меня въ трепетъ. Среди мрачнѣйшей темноты, окруженной отвсюду пропастьми, въ которыя и малѣйшимъ движенїемъ могъ быть низвергнутъ, не смѣлъ я открыть глазъ, страшась удостовѣрить себя о подлинности сего ужаснаго позорища.

„Увы! вскричалъ я тогда, какимъ еще „плачевнымъ чудеснымъ приключенiемъ ощу„щаю я въ себѣ живность? Боги меня го„нятъ: и такъ чего мнѣ ожидать въ сей „безднѣ, гдѣ ихъ правосудное мщенiе меня „безъ помощи оставляетъ? Остатокъ живо„та моего есть ничто иное, какъ токмо „прiумноженiе моего наказанiя„.

Объятъ будучи сею мыслiю, намѣрился было предать себя смерти; и противъ воли моей обративъ голову на сторону, чтобъ извлечь кинжалъ, которой паденiемъ моимъ въ платьѣ запутался, увидѣлъ я не въ дальномъ отъ себя разстоянiи нѣкоторой слабой лучъ. Надеждою и радостiю исполненная нѣкая мысль повела меня къ сему свѣту, и я шелъ къ нему съ великою осторожностiю, страшась на каждомъ шагѣ новаго паденiя; протянулъ было руку, чтобъ узнать не сквозь камень ли дневной сей лучъ до меня доходитъ; однако рука моя не нашла никакого сопротивленiя.

А какъ скоро токмо дотронулся до того, что почелъ внутренностiю горы, то отворились мнѣ двери, сквозь которыя увидѣлъ пространной и великолѣпной садъ, при концѣ котораго стоялъ больше прекрасной, нежели огромной домъ.

Я не могу изъяснить, коль велико было мое тогда удивленiе, какъ нечаянно взору моему такiе увеселительные предметы предстали. Я сталъ недвижимъ: и духъ мой перенесенъ былъ въ такой скорости изъ ужаса въ безопасность, что сiя перемѣ-

на состоянія моего показалась мнѣ однимъ сномъ.

Напамятованіе оракула Юпитерова объяснило мнѣ щастливое сіе приключеніе. И такъ понялъ я, что неизповѣдимымъ путемъ привели меня Боги на конецъ къ дому Молчанія. Я палъ на землю чтобъ принесть имъ за то мою благодарность : по томъ хотѣлъ видѣть ту пещеру, изъ которой вышелъ, и осмотрѣть выведшей меня изъ оной путь ; однако ничего не примѣтилъ, кромѣ одной бесѣдки, которая у самаго сада для пріятного въ ней отъ дневнаго зноя, прохлажденія изъ камня высѣчена и раковинами украшена была.

Приходя ближе къ дому, обращалъ я на всѣ стороны съ великою жадностію глаза свои, и всѣ имъ представляющееся чрезвычайное во мнѣ удивленіе возбуждало. Хотя и вспомнилъ я, что тогда еще ночь была, какъ я съ Протасомъ говоря разстался ; однако надъ домомъ Гарпократовымъ увидѣлъ чистое небо, освѣщенное такимъ пріятнымъ днемъ, каковъ онъ былъ при обужденіи Венеры отъ сна, когда Граціи извѣстили ея о возхожденіи Авроры : или каковъ бываетъ онъ въ поляхъ Елисеевыхъ. Земля производила тамъ съ великимъ расточеніемъ цвѣты, и удивительные плоды изъ коихъ я, осмѣлясь сорвать нѣкоторые, ѣлъ съ великою охотою ; и они вскорѣ мнѣ возвратили потерянныя мои силы.

Пришедъ къ дому, двери сѣней сами при входѣ моемъ растворились. Первое то, что я увидѣлъ, была статуа естественной величины, которая представляла человѣка держащаго

щаго перстъ надъ устами. Я ужѐ не сомнѣвался больше, смотря по виду, и чертамъ лица статуи сей, что она была образъ того божества, которое сохраняя меня, извѣститъ мнѣ судьбу мою.

Я вторично повергнулъ себя на землю; и вознамѣрясь выгорить то, что благодарность въ сердцѣ мнѣ влагая словомъ выразить побуждала, почувствовалъ я, что никакова голоса произнесть не могу Словà мои оставались на языкѣ, хотя въ прочемъ духъ мой желанїемъ симъ терзаемъ былъ.

Новое сїе чудо меня паки въ удивленїе привело и оскорбило. „Что! хотѣлъ я тогда вскричать, не довольно ли еще я нещастливъ? Никакъ жалоба и Богамъ такъ же противна какъ и смертнымъ? Но они провидятъ сердцà наши; какая имъ въ томъ нужда, что вздохи наши ударяютъ въ воздухъ? безъ сомнѣнїя извѣщаютъ они меня о опровержении моихъ желанїй, отрекаясь ихъ слышать. Неупросимы ли они? Съ какою бы болѣзнїю увидѣлъ я одного изъ презрѣннѣйшихъ рабовъ Клидемовыхъ безгласна у ногъ моихъ и требующа отъ меня милости?

По словамъ симъ, или лутче сказать, по воображенїю сему, увидѣлъ я въ рукахъ Гарпократа, не смотря на мои ропщанїя меня сохраняющаго, досчечку, на которой слѣдующее написано было:

„*Будь покоренъ моей власти, я Богъ* „*Молчанїя, и не впадаясь въ отчаянїе,* „*учини себя тѣмъ достойна моей милости.*

Тогда престалъ я печалиться о томъ, что

не имѣю силы говорить, которая мнѣ совершенно была безполезна въ такомъ мѣстѣ, гдѣ я по всему одинъ находился. Я прошелъ всѣ покои сего дома; земля не имѣла такова въ себѣ богатства, которое бы тамъ не было употреблено съ великою хитростїю. Наилутчая живопись украшала потолоки, и симъ художествомъ изображенное было или Гисторическо, или Нравоучительно. По большой же части видны были наказанїя отъ Боговъ людямъ за нескромность учиненныя.

Тамъ Минерва вливала мстительную ярость въ сердце Герзеи и Аграулы, и какъ сїи продерзскїе двѣ сестры въ бездну морскую бросаются. Здѣсь Аскалафъ, справедливая жертва гнѣва Прозерпины, подъ видомъ понураго сыча, ужасая всякое животное, идетъ въ вѣчную темноту. Еще жъ младая Цїана изображается въ превращенїи въ источникъ, въ самое то время, какъ было дерзнула выговорить имя Плутоново. На конецъ повсюду виденъ былъ страхъ за немолчанїе, такъ что казалось, будто бы Гарпократъ нарочно старался показать, какъ онъ обидящимъ себя отмщеваетъ.

Все приключившееся мнѣ съ самаго того времени, какъ я было почелъ себя погибшимъ, приводило меня внѣ себя, и такъ сказать съ самимъ собою разлучало. Силы души моей едва достаточны были, чтобъ расмотрѣть чудеса, чувства мои возхищающїя. Въ непорядочномъ смѣшенїи мыслей моихъ симъ моимъ состоянїемъ произведенныхъ, весьма трудно было мнѣ познать самаго себя, однако

не

не взирая на то, хотѣлъ я остановить мое совоображенїе, удаляя отъ него предметы его раздѣляющїе.

Первѣйщей самой опытъ здѣлалъ я Мезронимою, но напаматованїе ея меня не столь уже много обезпокоивало. Несносная мнѣ прежде съ нею разлука не такъ меня много терзала, и я въ разсужденїи ея находился въ новой со всѣмъ нечувствительности. Тогда сказывалъ я сердцу моему, что ея еще обожаю, но сердце мое не повторяло уже сихъ моихъ словъ.

Облокотясь на не большую груду сѣченыхъ камней, хотѣлъ подумать я о сей нечаянной перемѣнѣ. „Не пилъ ли я отъ воды рѣки Леты? „Спросилъ тогда внутренно „самъ себя. Для чего наисильнѣйшая страсть вдругъ укрощена? Тщетно старался я возжечь паки тотъ любовной огонь, которымъ горѣлъ къ Мезронимѣ, и которой уже угашенъ быть казался. „Можетъ быть ни„когда не увижу сїю для меня неоцѣненную „красоту, и не изъявлю ей впредь моихъ „вздоховъ? Домъ Молчанїя не убѣжище ли „отъ любви? Никакъ сїе успокоенїе непо„средственно слѣдуетъ тому нестроенїю, „въ которомъ предъ симъ чувства мои нахо„дились? Кто избавитъ меня отъ мученїя „скуки въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ничто раз„судка моего не подкрѣпляетъ? и гдѣ серд„це мое не подвержено ни движенїямъ ни „желанїямъ? Что? Я престаю любить! Ахъ, „никакъ уже престаю и жить!

Среди сихъ размышленій были мысли мои прекращены сномъ, которому послѣдовали легкія сонныя мечтанія. Видѣлось мнѣ, будтобы я перенесенъ былъ въ небольшую Миртовую и Ясминную рощу, при окончаніи которой на здѣланномъ изъ дерну возвышеніи Психа сидѣла, облокотясь безпечно на лоно одной изъ Грацій, другія же двѣ усыпали около нея розовыхъ и фіолетовыхъ цвѣтовъ листами. Стыдливость старалась можетъ быть противъ воли и самой Психи, закрыть ея фатою, которую Амуръ вырвать у нея изъ рукъ силился. Роскошь гораздо лутчей имѣла успѣхъ, потому что вскорѣ сихъ любителей связала вѣнкомъ сплетеннымъ изъ тѣхъ цвѣтовъ, которые игры собирали. Какое позорище было то для чувствительнаго сердца! Сладчайшее смущеніе овладѣло всѣми моими чувствами. Влекомъ будучи невольнымъ возхищеніемъ, „вскричалъ я: прелестное божество! всег„да ли ты лишать будешь милостей тво„ихъ смертнаго наивѣрнѣйшаго служенію тво„ему, напреданнѣйшаго твоимъ уставамъ, „и ощутившаго паче всѣхъ твои таинства? „Возврати мнѣ по крайней мѣрѣ то пламя, „которымъ я прежде сгоралъ, и чтобъ оное „присудствіемъ твоимъ навсегда возженно „было.

Амуръ усмѣхнувшись подалъ мнѣ руку. „Ты не знаешь еще меня Ифисъ, сказалъ онъ „мнѣ, хотя я и пекусь о твоей судьбѣ. „Изъ сердца твоего проразумѣлъ я, что оно „милости моей достойно. Заблужденія его „не могутъ тебѣ быть приписаны; увеселе-

ніе

„ нїе произвело ихъ напряженїемъ моего лука,
„ и пораженїемъ моею стрѣлою. Оно въ Книдѣ
„ прїемлетъ жертву, которою меня чтить
„ думаютъ. Симъ образомъ отмстилъ я себя
„ неблагодарной Доридѣ и строгостямъ матери
„ моей къ Психѣ.

Ты выводишь меня, вскричалъ я тогда
„ воздохнувъ, изъ моего заблужденїя. Притупленныя стрѣлы увеселенїя оцарапили токмо мое сердце, и рана моя не произшла отъ твоихъ рукъ! Искусство твое, говорилъ онъ мнѣ, научитъ тебя, что, когда увеселенїе захочетъ царствовать безъ меня, то тогда заблуждаетъ; и услаждаетъ человѣка токмо на весьма краткое время, не будучи въ состоянїи одарить его чистѣйшимъ и долговремянным благополучїемъ, Оно всегда по отшествїи моемъ на мѣсто мое приходитъ. Оскорбясь тѣмъ, что принимая мое имя его оскверняетъ, избавляю я тебя отъ его прельщенїя. Юпитеръ мнѣ вспомоществуетъ, и мы открыли тебѣ домъ Гарпократовъ: ты въ немъ себя удостовѣришь, что я защищаю одни токмо добродѣтельныя сердца. По окончанїи сихъ словъ былъ я покрытъ облакомъ и пробудился.

Сей сонъ показался мнѣ извѣстнымъ прознаменованїемъ Боговъ защищенїя, и я предалъ себя во всѣмъ ихъ вожденїю. По семъ пошелъ въ садъ: и довольное время гуляя, узналъ я въ одаленїи ту рощу, въ которой во время моего сна Амуръ со мною говорилъ. Пришедъ туда, не могъ я больше сомнѣваться о подлинности того, нашедъ и тотъ коробокъ съ цвѣтами,

тами, которой видѣлъ я въ рукахъ Аглаи, какъ между тѣмъ Аглаура усыпа́ла ими изъ дерну здѣланное возвышенïе, на которомъ они еще разбросаны лежали. Я почелъ было себѣ въ продерзость, на такое пришедъ мѣсто, которое освящено было присутствïемъ Амура; но потаенное нѣкоторое побужденïе принудило меня тамъ побывать.

Сïе мѣсто окружено было лавиринтомъ, куда я вошелъ, не видя никако́ва инова выхода, кромѣ того, которой меня привелъ въ отдаленной со всѣмъ отъ главнаго строенïя домъ, котораго красотѣ я удивился, и хотѣлъ было вытти, какъ увидѣлъ вдругъ не большую изъ мармора высѣченную въ стѣнѣ лѣсницу.

Всегда будучи провождаемъ не понятнымъ нѣкоимъ вдохновенïемъ, не могъ я противиться желанïю все обозрѣть; и такъ безъ медленïя пошелъ по сей лѣсницѣ. Свѣтъ изъ сѣней меня освѣтившей, былъ посредственной: но на конецъ такъ сталъ слабъ, что я былъ принужденъ ощупью итти, чтобъ не упасть.

Хотя я нѣсколько и испужался, однако взошедъ больше половины, не хотѣлъ воротиться. Отъ чрезвычайной темноты, почти о всякую ступень запинаясь, дошелъ я на конецъ до са́маго верьха сего зданïя.

Не большая дверь отворилась сама собою, и дала мнѣ видѣть свѣтъ, происхожденïе котораго ничему приписать не могу. Я вошелъ ими въ одинъ круглопродолговатой покой, которой весь чрезвычайно гладкою сталью обитъ былъ, такъ что никакая звѣзда лучей своихъ сквозьниспускать не могла. Я

сѣлъ на здѣланной среди сего кабинета приступокъ.

Ничего любопытства достойнаго не видя, сожалѣлъ я, что напрасно трудился. „Вотъ вскричалъ я тогда самъ въ себѣ,„ всѣ тѣ „чудеса, являющія силу Боговъ, и которымъ „я удивляюсь! Когда жъ окажутъ они мнѣ „свою милость? Когда возвратятъ они меня „опечаленной фамиліи моей? Клидемъ оплакиваетъ безъ сумнѣнія сына своего потеряніе, „которое извѣстнымъ и подлиннымъ быть „чаетъ, и можетъ быть, упрекаетъ себя.... Сколь велико было мое удивленіе! Едва токмо сіе въ мысли себѣ вообразилъ, то въ то самое время увидѣлъ напротивъ себя, вѣрнѣйшее изображеніе отца моего кабинета.

Онъ сидѣлъ, положа голову свою на одну руку, другой же отиралъ слезы. Я бросился было, чтобъ пасть передъ нимъ на колѣна; но онъ изчезая изъ моихъ глазъ, будто бы удалялся; и руки мои къ нему протянутыя ничего инова не нашли, какъ тѣ стальныя стѣны, на которыхъ видно было толь дражайшее начертаніе.

Пришедъ паки въ себя, почувствовалъ я, что сіе заблужденіе есть Боговъ благодѣяніе, и желалъ я имъ пользоваться еще, сѣлъ на прежнее свое мѣсто, и разсматривалъ Клидема съ великимъ прилѣжаніемъ; онъ показался мнѣ въ чрезвычайной печали, причиною которыя себя призналъ, думая, что и мать моя въ такойже, или еще большей горести находится.

Какъ

Какъ скоро я ея въ мысли себѣ представилъ, то въ то самое мгновенiе ока увидѣлъ что вошла она въ покой къ моему отцу, поддерживана будучи Меноклесомъ. Отчаянiе изображено было на ея челѣ, что Клидемъ примѣтя, старался печаль свою скрыть, и началъ ей говорить громкимъ голосомъ; я жъ напротивъ того новымъ содѣйствiемъ могущества и благоволенiя Боговъ, могъ все слышать и разумѣть. Слова его состояли въ томъ, что мужество и разумъ тогда предсказываетъ, когда особливо человѣкъ видитъ себя нещастiю предаваема.

,, Сожалѣнiя наши не возвратятъ намъ Ифиса, сказалъ онъ ей: ,, но лучше стараться отмстить, когда онъ погубленъ измѣною; или успокоимъ Боговъ, ежели онъ былъ ,, жертвою ихъ гнѣва, такъ какъ насъ обнадеживаютъ; и о семъ одномъ намъ извѣститься надлежитъ. Я обѣщаюсь вамъ всѣ старанiя приложить къ окрытiю сей печальной ,, истинны. Велю собрать совѣтъ, которой ,, меня извѣститъ о всемъ томъ, о чемъ я ,, освѣдомиться приказалъ: отрите напрасныя ,, ваши слезы, которыя горесть мою умножаютъ.

Мать моя, усугубя вздохи свои, расказывала ему нѣкоторыя обстоятельства смерти моей, о чемъ ея увѣдомили. Что она ужѣ приказывала рыть землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ я ею поглощенъ, чтобъ найти бездыханные мои остатки, и отдать имъ послѣдней долгъ: однако не найдено ни малѣйшаго слѣда отъ того удара, отъ котораго, какъ сказывали, земля подъ ногами моими разтворилась; по тому

му что и поверьхность ея еще цвѣтами и травою покрыта. Что хотя больше сорока футъ въ глубину рыли, однако никакова признаку ни отъ платья ни отъ меня самаго не найдено.

Не смотря на сїе чудесное приключенїе, мать моя весьма Протаса подозрѣвала, и то, что онъ ей ни сказывалъ, почитала такою баснею, которою онъ хотѣлъ прикрыть свое злодѣйство. По окончанїи сего разговора, во время котораго Меноклесъ въ глубокихъ мысляхъ былъ, вышла Царица вонъ, и оставила съ нимъ Клидема.

„Я не отважусь подумать, сказалъ онъ тогда моему отцу, „ чтобъ Протасъ своею „рукою Принца живота лишилъ: въ числѣ „свидѣтелей плачевнаго сего случая, суть и „тѣ, кои признались, что ночное сїе зборище не иное что было, какъ злоумышле„нїе: сказывали, что окончилось оно убив„ствомъ. Они прикрывая одно преступле„нїе своего предводителя, въ другомъ его ви„нятъ; и когда въ томъ изобличенъ будетъ, „то повиненъ такъ же смерти.

„Однако чѣмъ себя удостовѣрить, пресѣкши рѣчь его мой отецъ сказалъ, „ что „Ифисъ одинъ погибъ въ ужасномъ семъ землй „разсѣлѣнїи; и что какъ въ Книдѣ такъ и въ „окрестныхъ мѣстахъ никто не видалъ, „чтобъ огнедышущая гора горѣла, или бы „слышанъ былъ трескъ отъ того произшед„шей, или бы ощущаемо гдѣ было землй тря„сенїе? Для чего сїе странное приключенїе „свидѣтельствуется однимъ только Прота-

„сомъ

,, сомъ и молодымъ Сострашомъ и ихъ нѣ-
,, сколькими послѣдователями? Въ какомъ намѣ-
,, реніи завели они сына моего въ отдаленное
,, шакое мѣсто, безъ обыкновенныхъ его про-
,, водниковъ? Ахъ, Меноклесъ! я не вижу кро-
,, мѣ ужасной шайны, въ которой умъ мой
,, шеряешся.

,, Милостивѣйшій Государь, отвѣтство-
валъ Меноклесъ, ,, я весьма наблюдаю поведенія
,, Прошасовы; необходимость узнашь произхо-
,, дящее, не требуешъ, чтобъ забраны были
,, доносишели. Они сшанушъ меня увѣдомлять о
,, шѣхъ мѣрахъ, которыя онъ вновь предпри-
,, нимашь будешъ... Прошасъ не убилъ бы сво-
,, его Принца безъ прибышка; вскорѣ узнаемъ мы
,, шошъ плодъ, котораго онъ отъ злодѣйства
,, сего себѣ чаешъ. Онъ не осшанешся въ по-
,, слушаніи и покоѣ, когда виновенъ сему убив-
,, ству. Я думаю, что онъ въ шомъ участія
,, не имѣешъ. Но больше вѣроятнымъ кажет-
,, ся, что зараженъ будучи ложною ревностію
,, къ Ифису, возбудилъ въ немъ непокорность
,, и смяшеніе; что предпринимали они вмѣстѣ
,, насильныя и потаенныя намѣренія; что не-
,, обузданной сынъ Страшимовъ воображалъ се-
,, бѣ, что раздоръ будетъ ему прибышоченъ, и
,, что однако на конецъ небо опровергло всѣ
,, шщетныя ихъ умышленія. Честолюбію Про-
,, шасову не обходимо надобно было имя, а не
,, смерть вашего сына. Надлежитъ съ великимъ
,, раченіемъ и осторожностію примѣчать всѣ его
,, поступки. Ему о шомъ нимало дашь знать не
,, должно, дабы онъ, узная то, не сталъ осте-
,, регаться. Безопасность его либо погубитъ,

„ или оправдаетъ. Положитесь на меня, Милостивѣйшій Государь, въ наблюденіи и малѣйшихъ его дѣлъ. Соболѣзнованіе мое и моя вѣрность отвѣтствовать вамъ будутъ за мою неоплошность „.

Въ сіе самое время Министры и знатные позванные на совѣтъ пришли, но рѣчей ихъ распознать я не могъ; однако чудо сіе въ самой тотъ часъ кончилось, какъ скоро говорить стали о тайностяхъ общества и правилахъ правленія.

Все то, что я ни слышалъ, равномѣрнымъ образомъ меня трогало и издивляло; я весьма о томъ сожалѣлъ, что не былъ въ состояніи вывесть Клидема и мою мать изъ ложнаго о мнѣ мнѣнія. Трепеталъ, чтобъ вѣрной мой любимецъ не былъ пожренъ ложнымъ видомъ, употребленнымъ злодѣями въ его пагубу. Предъ глазами моими не былъ онъ по справедливости виновенъ; но вдавалъ себя для меня опасности: могъ ли видѣть я его наказуема, за преданность его къ Мезронимѣ и ко мнѣ? Какова иная прибытка чаялъ онъ себѣ изъ того, спомоществуя любви моей, кромѣ того, чтобъ услужить обществу и своему другу? Подлинно ли почесться можетъ измѣною царской власти, когда востанутъ противъ злоупотребленія, которое изъ нея дѣлать дерзаютъ?

Сіи разсужденія уничтожили изображеніе совѣта, и представили взору моему къ наивеличайщей моей радости, Мезрониму и Протаса.

„ Я не понимаю рѣчей вашихъ, говорила она ему; „ вы упрекаете мнѣ сожалѣніе къ Ифису, „ и почитаете то уменьшеніемъ любви моей

къ

„къ вамъ; можете ли вы въ горячности моей
„къ себѣ сумнѣваться, будучи въ томъ сиљ-
„нѣйшими опытами удостовѣрены? Ежелибы
„честолюбїе и непостоянство истребили васъ
„изъ моего сердца, то отъ одной меня зависило
„принять престолъ отъ руки Ифисовы: я бъ
„взошла на него безъ опасности и насилїя. Ко-
„гда вы мнѣ вѣрны, сказалъ онъ ей, то что вы
„теряете предпочетъ ему меня? Не будете ли
„вы царствовать надъ Доридою? Престолъ
„сей, на которой вы мною возводитесь, полу-
„чите вы отъ моей къ вамъ любви; съ Ифисомъ
„же бы его только раздѣлили.

„Но худо ли я вамъ служила, отвѣчала Ме-
„зропима Протасу, льстя его надеждѣ, при-
„творяя чувствителность къ такой его люб-
„ви, которая его почти изъ разсудка выводи-
„ла, и на конецъ хитрымъ образомъ побуди-
„ла его къ возмущенїю? Безъ сумнѣнїя, отвѣ-
„чалъ Протасъ: но не можетъ ли быть мнѣ по-
„дозрительно употребленное на его прельще-
„нїе время, въ которое онъ вамъ угождать
„тщился? Никогда не могъ я спокойнымъ взо-
„ромъ видѣть всѣ его вамъ оказанныя услуги,
„и вздыхалъ о томъ многократно, что Ора-
„кулъ не по желанїю моему изреченъ„.

„Я еще не знаю, говорила она, надежно
„ли было прозходящее отъ того слѣдствїе.
„Да, сказалъ Протасъ, я знаю покорность
„Клидемову къ Богамъ. Онъ бы безъ малѣйша-
„го сумнѣнїя согласился къ исполненїю вашего
„брака; и скорое его сїе на то согласїе, оказавъ
„прежде тому великое супротивленїе, весьма
„бы легко удостовѣрило, что онъ самъ брач-

,, ной кубокъ исполнилъ ядомъ. Сей на вашу ,, жизнь злой умыселъ былъ бы наказанъ на ,, мѣстѣ его смертїю ,,.

,, Однако подумалъ бы, говорила Мезронима, ,, что Клидемъ для моего погубленїя, не ,, пощадилъ своего сына? Грекъ въ семъ варварствѣ можетъ легко быть подозрителенъ, ,, отвѣтствовалъ онъ ей. Чему жъ и какому ,, пороку надобно еще быть въ Спартѣ, кромѣ ,, естественнаго несовершенства, когда дѣти ,, отцами своими на жертву приносятся? Подумали бы тогда, что Клидемъ самовластенъ ,, будучи и не упросимъ, лучше погубляетъ ,, своего сына, нежели допускаетъ васъ до престола; а чтобъ сохранить Дориду подъ властїю Грецїи, предпочелъ онъ скипетръ сей ,, отдать въ руки Спартанцу, а не вамъ. Въ ,, прочемъ же могутъ приняты быть въ разсужденїе и побудившїя его къ тому причины, ,, когда бы въ самое то время, какъ Ифисъ ,, подалъ бы вамъ брачной кубокъ, пивъ изъ него напередъ, первенствующей жрецъ вдохновеннымъ голосомъ, остановилъ церемонїю, ,, наименовавъ злодѣя и его злодѣйство, и ,, такъ сказать, вручилъ бы его чрезъ то запальчивости народа всегда вѣроимнаго и здраваго ,, разсудка очужденнаго? Думаете ли вы, что ,, бы народъ, послушествуя гласу служителя ,, Юпитерова, васъ не отмстилъ?

,, Къ чему жъ, говорила Мезронима, ,, столько околичностей, чтобъ убить одного, а ,, отравить другаго? Не можноли бы было здѣлать того потаенно? Никакъ: отвѣчалъ Протасъ, чтобъ уважить больше, то надлежало,

,, что бы

,, чтобы Клидемъ умеръ въ омерзѣніи у Книдянъ ,,.

,, Однако сіе предпріятіе , отвѣчала Мезропима , которое мнѣ никогда дѣйствительнымъ и благорасположеннымъ не казалось въ самое то время , какъ оно было опровержено , оставляло ли вамъ еще другое средство , кромѣ необузданности Ифисовой ? Его имя и мое отворило ли бы вамъ путь къ царствованію ? Могли ли бы вы возмутить еще Книянъ при жизни Ифисовой , когда бы онъ не склонился на совѣтъ вашъ ? Имѣли ли вы другіе способы къ изгнанію сихъ гордыхъ Грековъ , поработившихъ себѣ Дориду отчасти страхомъ , а отчасти благодѣяніями , кромѣ того , чтобъ вооружить ихъ другъ противъ друга ? Глаза мои проводили бы легкомысленнаго Ифиса къ смерти , провождая въ храмъ Гимена. Я бы предала его вашему пораженію , какъ скоро бы узнали , что Клидемъ его рукою умерщвленъ. Во время бунта легко бы былъ отецъ принесенъ на жертву для безопасности сына , которой бы по томъ , для собственной нашей надобности , неизбѣжно живота лишился. Меноклесъ чрезъ наши старанія и домогательства остался бы въ подозрѣніи. Похитивъ тогда царской вѣнецъ , иногда предковъ моихъ украшающей , возложила бы его на вашу голову : это ли не любовь моя къ вамъ ,, ?

,, Вѣдаю я , пресѣкъ ея рѣчь Протасъ , ,, то , что вы для меня здѣлали , или еще здѣлать ,, хотѣли ; но страсть и юность Ифисовы , ,, возбудили во мнѣ , признаюсь , безпокойство ;

 ,, по-

„ почто принуждали вы его къ побѣгу тогда „ какъ Царь было хотѣлъ его женить на Гермоклеѣ? Ежелибы онъ васъ послушалъ, то бы у насъ чрезъ то ушелъ: не можно ли сего „ нѣкоторымъ образомъ такъ разумѣть, что „ вы о немъ жалѣли, погубляя почти всѣ „ плоды нашихъ хитростей безразсудно?

„ Никакъ, отвѣчала она, я ничего не отваживала, смерть его или побѣгъ могли бъ „ быть равно полезны нашимъ намѣренïямъ. „ Дорида старанïемъ нашимъ тогда въ смятенïе приведенная, устрашилась бы отворить „ врата Книда Аристагору. Воспротививишейся „ тому Ифисъ прïобрѣлъ бы тѣмъ любовь нашего отечества. Изгнанïе его раздражило бъ „ народъ; тогда подъ видомъ государственнаго „ прибытка, вооружили бы мы друзей нашихъ, „ съ такойже удобностïю, какъ и при немъ „ самомъ. Клидема почли бы тогда тиранномъ „ продающемъ вольность нашу, или не умѣющимъ ея защищать: мы бы его легко съ престола низвергли, безъ малѣйшаго отъ Книдянъ въ томъ нареканïя. Оставленной его „ сынъ, въ отдаленïи будучи, погибъ бы внѣ „ отечества безъ пролитïя крови; а хотябъ онъ „ и назадъ возвратился, то тогда бы утвержденной въ рукахъ вашихъ скипетръ ему не достался. И такъ сïе мое намѣренïе было гораздо благоразумнѣе и надежнѣе вашего; не „ справедливая ревнивость не допустила васъ „ на то согласиться: вы притомъ ничего не „ примѣтили, кромѣ не большаго моего къ сему злощастному меня любившему, сожалѣнïя, которое дозволеннымъ быть не утверж-

„ даю; оно спасало его жизнь, не вдавая въ отвагу ни послѣдняго изъ прибытковъ нашихъ „.

„ Какъ бы то ни было, сказалъ Протасъ, „ щастїе наше больше для насъ здѣлало, нежели мы о томъ думать могли. Ифиса ужѐ „ нѣтъ; а все то, о чемъ смерть его сожалѣть „ заставляетъ, состоитъ въ томъ, что онъ „ славную подлинность, умѣя вамъ угодить, „ съ собою во адъ унесъ: я хотѣлъ бы его изъ „ сего ложнаго мнѣнїя вывесть, когда бы то „ было возможно.

„ Не завидуйте ему, любезной мой Протасъ, говорила Мевронима, пожавъ его руку, „ въ его заблужденїи: вы подлинною вещїю наслаждаетесь. Не обвиняйте меня въ той притворности, которую вы мнѣ сами предписали, „ и которая мнѣ великаго принужденїя стоила.

„ Дѣйствительно такъ, сказалъ измѣнникъ „ сей усмѣхнувшись, онъ довольно наказанъ за „ ложное его мнѣнїе, ежели произходящее здѣсь „ извѣстно въ поляхъ Елисейскихъ. Онъ себя „ весьма упрекать будетъ за излишнее о своемъ достоинствѣ мнѣнїе. Я не зналъ еще человѣка, которой бы былъ такъ тщеславенъ, „ какъ онъ; и чрезмѣрныя ему похвалы приписывая, получилъ я тѣ отъ него милости, которыми онъ меня, думая по дружбѣ своей „ ко мнѣ, жаловалъ. Строгой Менослесъ совсѣмъ лишился его благосклонности, оказывая ему такое усердїе, которое ему не всегда прїятно было. Самолюбїе ищетъ всегда „ прикрывать свои пороки въ глазахъ другихъ, „ и поправляетъ ихъ иногда; но гордость старается ихъ таить и отъ насъ самихъ, и

,, оскорбляетъ насъ противъ тѣхъ, которые ,, намъ въ томъ улику здѣлать похотятъ ,,.

Удостовѣренъ будучи о семъ, при томъ же покорнѣе и поворотливѣе Менноклеса, примѣтилъ я въ Ифисѣ столько же добродѣтелей и прïятностей, сколько милостей онъ мнѣ оказывалъ, такъ что для меня никогда и ничего здѣлать не страшался. Однако полно о томъ говорить, пускай память его совсѣмъ истребится.

Царь и Царица въ ужасъ приведенные его потерянïемъ, не будутъ помышлять о томъ, чтобъ за нами примѣчать. Прïятели мои того же мнѣнïя; народъ полагающей всю свою надежду въ Ифиса, принимаетъ меня разпростерыми руками. Войско въ повелѣнïи моемъ состоящее клялось мнѣ быть послушнымъ. Разбившая буря корабли острововъ Коса и Клароса, возставшей между полководцами раздоръ, приближающееся безпокойное время года; однимъ словомъ, все вкореняетъ безопасность въ слабаго Клидема; и какъ онъ между тѣмъ неразсудностïю своею обнадежится, то щастливой Протасъ увѣнчавъ обоженïя достойную свою любезную, будетъ пользоватся сею драгоцѣнностïю.

Мезронима временемъ пресѣкала его рѣчь ,, то хваленïемъ, то улыбками, и пристойными взорами: ,, однако думаете ли вы, сказала она, ,, сохранить сестру вашу во время бунта? О-,, на то, отвѣчаетъ Протасъ, удерживаетъ ,, еще мои удары. Хочется мнѣ, чтобъ она ,, была внѣ Царскаго дома въ безопасности, отъ ,, свирѣпостьи воиновъ и мщенïя Клидемова: я

,, присо-

присовѣтую Аксарисѣ взять ея къ себѣ подъ какимъ ни будь видомъ.

„ А ежели паче чаянія въ томъ откажутъ, „ говорила Мезронима, какой ни будь ради не„ довѣренности, и удержетъ ея, такъ сказать „ закладомъ? Я ея въ тотъ же часъ на жертву „ принесу, сказалъ Протасъ. Преданность ея къ „ Царскому дому истребила во мнѣ всю природ„ ную къ ней любовь. Во окончаніи же всего, „ сохраненіе ея не стоитъ того дара, которое „ мнѣ щастіе вручаетъ „.

По оказаніи нѣкоторыхъ съ обѣихъ сторонъ нѣжностей, послѣдовавшихъ симъ зломышленнымъ разговорамъ, вышелъ Протасъ вонъ, а вѣроломная Мезронима оставя его, разбила мой потретъ съ наипрезрѣннѣйшимъ ругательствомъ.

Удивленіе и ужасъ, которыми я объятъ былъ, едва оставили мнѣ употребленіе чувствъ, чтобъ слышать сей плачевной для меня разговоръ. Много разъ позабывалъ я ту невозможность, которая злодѣевъ сихъ отъ моей ярости укрывала, и бросался съ вооруженною кинжаломъ рукою, чтобъ предать ихъ смерти.

Опасность, въ которой Клидемъ и мать моя были беззащитны, страхъ, чтобъ Менoклесъ непоздо о томъ свѣдалъ, невозможность мнѣ самому дѣйствовать, стыдъ, что столько любилъ двухъ человѣкъ равномѣрнаго презрѣнія и омерзѣнія достойныхъ, угрызающая совѣсть, принесши на жертву святѣйшую должность наипоноснѣйшей страсти, выборомъ любви своей, ярость, что былъ толь долгое вре-

время игрою у сихъ злодѣевъ, смиряющее познаніе причинъ моихъ заблужденій и нещастій неразсудной моей суетности, упрекаиіе, что не зналъ и не имѣлъ почтенія къ совѣтамъ Менохлесовымъ; на конецъ словомъ все то, что добродѣтель любящей духъ, измѣнивъ ей, чувствовать можетъ, и все то, что отчаяніе мучительнаго въ себѣ имѣть въ состояніи, когда не обходимость его обезоруживаетъ, ощущалъ я въ себѣ во все то время, какъ Мезронима и Протасъ открывали мнѣ мрачнѣйшихъ сердецъ своихъ тайности.

Подлинно такъ Амуръ! вскричалъ я тогда внутренно, „не твоимъ пораженіемъ сердце „мое было покорено. Фуріи отрясли безъ сомнѣ„нія надо мною свои факелы тогда, когда я сію „наиопаснѣйшую красоту меня плѣнившую уви„дѣлъ, призпавъ искры ихъ твоимъ огнемъ. „Прости мнѣ сіе заблужденіе; я тебя искалъ, „рожденъ будучи жить подъ твоимъ повелѣ„ніемъ! Защити еще нещастнаго, помощію „твоею избавленнаго, и остаткомъ непорочно„сти своей тебѣ обязаннаго! Краткое сіе при„зываніе тронуло просимое мною божество. „Я сталъ гораздо спокойнѣе, и мнѣ казалось, „будтобы нѣкой внутренной голосъ застав„лялъ меня прежнее принять на себя мужество.

Я ужѐ многими опытами удостовѣренъ былъ, что мнѣ подумать только надлежало о томъ человѣкѣ, дабы о́бразъ его взору моему предсталъ. Въ разсужденіи сихъ обстоятельствъ весьма нужно мнѣ было разсмотрѣть поведенія всѣхъ тѣхъ, къ которымъ я имѣлъ особливую любовь. „Посмотримъ, сказалъ я тогда

самъ

„ самъ себѣ, не заставитъ ли меня такъ же и Ѳе-
„ на стыдиться ложнаго моего о ней мнѣнія?
„ Божественный Гарпократъ да удостоитъ ме-
„ ня извѣстить, кому мнѣ оказать ненависть
„ мою или горячесть?

Въ тотъ часъ я ея увидѣлъ: она ходила въ своемъ покоѣ съ поспѣшностію. Безпорядочной ея видъ, блѣдность лица ея слезами смоченнаго, руки и глаза ея, которые она непрестанно къ небу возводила, скорое и неизвѣстное ея ступаніе, довольно изъявляли безпокойство души ея. Сердце мое весьма тѣмъ тронуто было, не зная чему приписать чрезвычайную болѣзнь ея, толь вѣрными и чувствительными признаками доказанную, страшился я точно о томъ извѣститься: какое сожалѣніе можетъ послѣдовать тогда, ежели причина того порочна! Для меня было все равно, когда бы Ѳеона нещастною, или винною нашлась.

И такъ покушался было я оставить сіе разсмотреніе, и думая о другихъ вещахъ, представить ихъ моему взору; однако между тѣмъ Меноклесъ, котораго я увидѣлъ, остановилъ меня въ семъ размышленіи, по тому что вѣдать хотѣлъ, любитъ ли его Ѳеона; ибо къ познанію сего, прежнихъ ея рѣчей недостаточно было. Нѣчто больше простаго любопытства заставляло меня о семъ извѣститься; и сердце мое начало биться, какъ увидѣлъ я ея идущую къ нему съ разпростертыми руками.

„ Ахъ Меноклесъ! вскричала она тогда,
„ вы не знаете еще всѣхъ моихъ мученій; не

оставь-

,, оставьте меня; придайте крѣпость ослабѣв-
,, шимъ моимъ силамъ: вы смущаете меня,
,, отвѣтствовалъ онъ, какое иное злоключенїе
,, сверьхъ потерянїя Ифисова можетъ умножить
,, ваши слезы? Ахъ! когда къ отренїю ихъ на-
,, добно на жертву принесть мою жизнь, то
,, вѣрьте мнѣ, что и то не больше, но еще
,, меньше для меня стоить будетъ принесенїя
,, на жертву любви моей!

,, Престаньте теперь говорить о любви вашей, пресѣкла она его рѣчь; ,, вы обѣщались
,, мнѣ ея побѣдить, въ чемъ на добродѣтель
,, вашу и полагаюсь. Довѣренность моя къ вамъ
,, заслуживаетъ, чтобъ вы были моимъ другомъ,
,, и въ томъ теперь имѣю нужду. Милостивѣй-
,, шая государыня! сказалъ Меноклесъ, симъ для
,, меня весьма драгоцѣннымъ названїемъ, чего
,, вы отъ меня изволите требовать, и что я
,, могу?... Избавить, говорила она, отечество
,, отъ моей крови, которая можетъ быть ско-
,, рѣ пролита будетъ. Увы! коль плачевенъ
,, мой рокъ! Какой новой ужасъ угрожаетъ еще
,, преломляющагося моего дни послѣднїя мину-
,, ты! Терзаема будучи злощастною страстїю, лишенна всей надежды, ничего не желая, ничего не искавъ, кромѣ смерти, съ самаго того
,, времяни, какъ смерть ужъ одна возвратить
,, мнѣ могла то, что я любила, думали ли ви-
,, дѣть еще для себя странныя злополучїя? И что.... Изъяснитесь, Феона, говорилъ ей Мено-
,, клесъ, мнѣ не сносно то состоянїе, въ кото-
,, ромъ васъ вижу; вы обиду мнѣ наносите
,, тѣмъ, что не повелѣваете мною, не щадя меня.

Чтобъ

,, Чтобъ я вамъ изъяснилась, говорила ему
,, запинаясь, увы! надобно то не обходимо; од-
,, нако тяжесть должностей моихъ такъ вели-
,, ка, что я понесть ея не въ состоянiи: не могу
,, безъ трепета вознамѣриться, какъ къ наблю-
,, денiю, такъ и къ преступленiю оныхъ. Знай-
,, те... О! Боги, что хочу я говорить? Знай-
,, те, что братъ мой, сей неблагодарной люби-
,, мецъ любви достойнѣйшаго Государя, что всѣ
,, родственники мои благодѣянiями его сверьхъ
,, мѣры одаренные, что проклятая Мезронима
,, толь страстно Ифисомъ любимая, всѣ зло-
,, умышляютъ на Правительство, на Клидема
,, и намѣрены безстыдно попрать законы,
,, чести и благодарности. Ахъ! что вы отъ
,, того не трепещите?...

,, Я признаюсь предъ вами, отвѣчалъ Мено-
,, клесъ, что Протасъ былъ ужѐ подозрителенъ.
,, Хотя я и прежде отъ васъ по чувствительно-
,, сти вашей нѣсколько извѣщенъ былъ; однако
,, еще сверьхъ того нѣкоторые изъ заговорщиковъ
,, его измѣнили, и за нимъ теперь смотрятъ,
,, чтобъ о всемъ меня увѣдомить. Сего утра
,, я къ себѣ ихъ ждалъ, однако они въ словѣ
,, своемъ не устояли, и для того послалъ ихъ
,, искать, чтобъ узнать... Нѣтъ Меноклесъ!
,, ты ихъ больше не увидишь, вскричала Ѳеона,
,, я одна васъ могу о томъ увѣдомить, время-
,, ни весьма мало остается, и такъ выслушайте.

,, На утро отъѣзда посла Аристагорова, Про-
,, тасъ съ воинами своими окружить намѣренъ
,, дворецъ, убить тамъ Царя, васъ и всѣхъ
,, тѣхъ, кои ему вѣрны. Молодой Состратъ
,, поклялся не щадить никого кромѣ своего отца.

„ Прочїе же зломышленники овладѣютъ въ то
„ время вратами Книда, Стратимъ здастъ за́-
„ мокъ, жрецы Юпитеровы и Гименовы освя-
„ тятъ возмущенїе сїе въ глазахъ всего наро-
„ да оправданїемъ сего злодѣйства; по томъ
„ соберутся въ храмъ Венеринъ; и какъ скоро
„ престолъ кровїю Клидемовою обагрится, то
„ Мезронима и Протасъ посадятъ себя на оной
„ при восклицанїяхъ всего народа, непотреб-
„ ныхъ жрецовъ, и гражданъ отчасти устра-
„ шенныхъ отъ части прельщенныхъ. Одинъ
„ изъ братниныхъ невольниковъ къ сей злоща-
„ стной тайности допущенной, едва лишъ то
„ теперь открылъ одной моей служанкѣ, кото-
„ рою онъ любимъ быть старается. Нѣкоторые
„ изъ сихъ зломышленниковъ, не знаю како́ва
„ ради подозрѣнїя сего утра по приказу молодо-
„ ва Сострата убиты, и можетъ быть тѣ са-
„ мые, на которыхъ вы надѣялись. Вотъ Ме-
„ ноклесъ вся вѣдомость о ужасномъ семъ заго-
„ ворѣ. Вотъ причина произходящихъ въ душѣ
„ моей смятенїй. Не могу потаить мерзости
„ и злодѣйствъ исполненнаго сего таинства не
„ вдавая въ кровожаждущїя ру́ки убицъ живота
„ царскаго и всѣхъ тѣхъ, которые за добродѣ-
„ тели свои умерщвлены быть имѣютъ; для
„ избавленїя ихъ отъ сей напасти охотно про-
„ вождаю я себя, всю мою фамилїю къ принятїю
„ достойнаго за то наказанїя . . . Не смотря
„ на то, коль великъ бы ни былъ мой союзъ съ
„ преступниками, не желаю я напрасной смерти
„ толь многихъ неповинныхъ. Можетъ быть
„ еще въ первой разъ премогаетъ должность
„ силу природы . . . Подеймъ: проводите меня

къ

,, къ стопамъ Клидемовымъ; я хочу предъ нимъ ,, говорить и умереть, ежели щедрота его въ ,, противномъ случаѣ не удержитъ его справе- ,, дливости.

,, Чувствую я, милостивая государыня, отвѣчалъ Меноклесъ, ,, какъ мучительно искоренять въ родствѣ своемъ злодѣйство; но разумъ вашъ всегда превосходной заблаговремянно васъ просвѣщаетъ. Удивляюсь предприятому намѣренiю вашему. Кровь Царская освященна; государственной прибытокъ есть изъ ,, всѣхъ первѣйшей: что нужды въ томъ, какою цѣною защищается то или другое? Та ,, поступка, которую вы оказать намѣрены, ,, весьма великодушна; я смѣю вамъ за то ручаться, что Клидемъ не будетъ изгонять ,, тѣхъпреступниковъ, которыхъ дочь и сестра его избавительница.

,, Сей надежды, Меноклесъ не довольно, ,, сказала Ѳеона, помогите мнѣ: вы одни защитить можете Страшима и Протаса; возьмите ихъ подъ стражу, я на то согласуюсь; но ,, чтобъ они были живы и . . Не сумнѣвайтесь, ,, говорилъ Меноклесъ, чтобъ Царь прозьбы вашей не послушалъ; а когда и въ моемъ усердiи будетъ нужда, то докажетъ Меноклесъ, что онъ больше любить, нежель ненавидѣть обыкъ.

,, Ахъ, смерть Ифисова, выговорила Ѳеона ,, съ жалостiю, есть плачевное начало ненавистныхъ сихъ умысловъ; ежели бы онъ былъ ,, еще живъ, то бъ не дерзнули они приступить ,, къ злому сему начинанiю! Стали ли бы страшится его правительства? Ему ли бы предпо-

,, чли моего брата? Дерзнулъ ли бы народъ свер-
,, гнуть иго Царской власти, имѣя его еще под-
,, порою своего благополучїя? Дорїане его столь
,, много любили, что бы при немъ возмущенїя
,, начать не посмѣли.

,, Какъ вы много обманываетесь! сказалъ
,, Меноклесъ. Вамъ по видимому не извѣстно,
,, что сей Принцъ самъ возжегъ первыя искры
,, сего возмущенїя: да, милостивая государыня,
,, прибавилъ онъ къ тому, примѣтя въ Ѳеонѣ
,, нѣкоторые признаки удивленїя, Ифисъ самъ
,, принялъ оружїе, и возмутилъ народъ по со-
,, вѣту вашего брата, чтобъ не повиноваться
,, приказанїямъ Клидема, и обнадежить себя
,, во владѣнїи Мезронимы. Нещастливой Ифисъ
,, разпоряжалъ послѣднїя свои мѣры съ зло-
,, мышленниками въ самое то время, какъ мы
,, его лишились.

,, О Боги! что вы мнѣ сказываете! вскри-
,, чала Ѳеона заплакавъ. И такъ братъ мой въ
,, одно время лишилъ Ифиса жизни и непорочно-
,, сти! Какъ! въ моемъ родствѣ научился онъ
,, забывать свой домъ и Мезронима соглаша-
,, лась! . . . Ежели бы онъ зналъ такъ какъ я,
,, говорилъ Меноклесъ, сердце Мезронимино и
,, Ѳеонино, то бъ онъ еще жилъ, и жилъ бы
,, для васъ? Какъ онъ возмогъ закрывать свои
,, глаза, видя такїя красоты и добродѣтели?

,, Вы никакъ почитаете меня легкомыслен-
,, ною, и то мнѣ весьма прискорбно, сказала Ѳе-
,, она. Мезронима прекрасна и любовь должна
,, была отдать ей преимущество. Дружба каза-
,, лась вмѣсто того быть въ награду, и мож-
,, ноль было мнѣ на то не согласиться! и друж-
ба

„ ба дѣлаетъ то, что я все происходящее „ больше ощущаю. Знала я, что душа Ифисова „ очуждена была всякаго порока, и безъ прель„ щенія Протаса и Мезронимы почесть бы его „ надлежало героемъ.

Могъ ли Ифисъ обмануться въ мнѣніи сво„ емъ о васъ, сказалъ Меноклесъ. Я сама об„ манулась отвѣчала она. Хотя я еще и люб„ ви названія не знала, однако она, не смотря „ на то, овладѣла моимъ сердцемъ; едва всѣми „ силами могла я скрывать, видя, что къ пре„ одолѣнію ея необходимость меня принуждала. „ Вы знаете Меноклесъ, что я многократно „ себя порицала въ своей слабости, чего отъ „ васъ и не таила; отмѣнное мое къ вамъ по„ чтеніе не допустило меня питать напрасную „ вашу надежду. Вы ужè за то отмщены.

„ Нѣтъ, Ѳеона, говорилъ Меноклесъ, я не „ желалъ бы отмстить себя вамъ, но Мезрони„ мѣ. Не думаете ли вы, что я злобно раду„ юсь, видя любовь вашу такъ же нещастливу, „ какъ и свою. Я любилъ Ифиса, сожалѣю о „ немъ, и ежели бы отъ меня зависило вамъ „ его возвратить, то бы разумъ мой къ вели„ кому моему удовольствію побѣдилъ свою го„ рячесть, совокупя васъ другъ другу на вѣки.

„ Мнѣ весьма страшно, вскричала Ѳеона, „ дни ваши исполнить горестію. Коль мучите„ ленъ рокъ мой! Я родилась въ самое паденіе „ моей фамиліи; нашла убѣжище у Царицы, „ и сіе убѣжище здѣлалось для меня мѣстомъ „ страха и ужаса, и кажется, что я внесла „ во оной гнѣвъ и мщеніе неба. Лишась такова „ человѣка, котораго одного обожать могла,

,, терзаю того, кого почитаю, и умирая оставляю фамилїю мою обезчещенную порокомъ, а может быть и наказанїемъ.

,, Почто воображаете себѣ непрестанно ,, толь плачевныя мысли, отвѣчалъ Меноклесъ ,, болѣзненно? Куда дѣвалась ваша крѣпость, ,, которая васъ прежде отъ всѣхъ нещастїй ,, защищала? Она весьма слаба, въ разсужденїи ,, мученїй любви, вскричала она. Я бы смотрѣла съ безгласною, однако сносною болѣзнїю на щастливую Мезрониму въ объятїяхъ ,, Ифисовыхъ: благополучїе милаго человѣка заплатило бы мнѣ потерянїе моего: стала бы ,, веселиться добродѣтелями его и его славою ,, извинила бы себя въ потаенной страсти, которую бы всѣ сердца, ей поработившїяся, ,, оправдали: но ужѐ больше его не увижу, ,, чувствую, что злополучїя понесть не въ состоянїи. Пойдемъ, Меноклесъ, сказала она съ ,, усугубленїемъ своего отчаянїя, которое сердце мнѣ разрѣзало; пойдемъ увѣдомить Клидема о угрожающемъ его страхѣ: избавимъ его ,, отъ прїуготовляющихъ ему сїи напасти; завтра может быть, завтра Страмимъ и Протасъ не будутъ имѣть слабой моей подпоры, ,, по крайней мѣрѣ не откажите вы имъ въ вашей помощи, что ужѐ вы мнѣ и обѣщали.

,, Пойдемъ, государыня, отвѣчалъ онъ истомленнымъ голосомъ, совокупимъ силы наши ,, въ ихъ пользу. Завтра, когда они васъ ,, лишатся, думаете ли вы, что Меноклесъ еще ,, пещися может о ихъ судьбѣ? безъ слабости ,, бы понесъ вашъ съ Ифисомъ бракъ, но смерти ,, вашей пережить не въ состоянїи.

,, По

По семъ вышли они и оставили меня въ несказанномъ безпокойствѣ. Горячность, ненависть, радость, болѣзнь, надежда, страхъ, удивленіе, презрѣніе, мучили меня одно за другимъ непрестанно. Я не могъ понять, какимъ образомъ Мезронима и Протасъ пріобрѣли у меня о себѣ такое мнѣніе, которое я единственно о Ѳеонѣ и Меноклесѣ имѣть долженъ былъ. Ослѣпляющая зрѣніе мое мрачнѣйшая темнота началà изчезать; и я помыслилъ, что тогда впервые справедливо думать и чувствовать сталъ. И такъ отвратилъ взоръ мой отъ сихъ чудесныхъ стальныхъ стѣнъ, чтобъ удобнѣе въ себя войти, и не увидѣть бы на нихъ тѣхъ измѣнниковъ, стыдясь при томъ, что ихъ столь много любилъ.

„ О Боги! вскричалъ я, я обожаю Ѳеону, ею „ любимъ, и наши сердцà другъ другу не откры„ ваются и не изъясняются какъ токмо въ са„ мое то время, когда я себя не въ состояніи „ вижу, изъявить ей у ногъ ея любви моей, мо„ его стыда и сожалѣнія! Амуръ! ты не по„ рочишь поразившаго сердце мое удара; онъ „ происходитъ отъ твоей руки! Какъ прекрасна „ кажется мнѣ Ѳеона, по ея ко мнѣ горячно„ сти и болѣзни! Охраняющіе меня Боги, до„ кончайте начинаніе ваше, возвратите меня „ Доридѣ! Я не сумнѣнно буду тамъ орудіемъ „ мщенія вашего и правосудія.

Я принялъ твердое намѣреніе учинить себя достойнымъ Ѳеоны, когда со временемъ ея увижу, знатнѣйшими дѣлами; Меноклесъ казался мнѣ въ тысячу разъ меня достойнѣе:

прежнія мои поступки затмѣвали славу имяни моего. „ Надъ мѣру щедрая Ѳеона! говорилъ „ я тогда будто бы ей самой, вы видѣли въ „ сердцѣ моемъ одно токмо сѣмя добродѣтели, „ которое вами одною процвѣтетъ. Стремительныя желанія обольщенныя измѣнническими совѣтами, привели въ погибель вашего „ Ифиса, васъ обожающаго: теперь вступаетъ онъ на путь премудрости, славы и благополучія. Дражайшей Меноклесъ, прибавилъ „ я къ тому, ты соглашаешся уступить мнѣ „ Ѳеону, и за то я тебѣ малой гораздо даръ „ принесу, когда уступлю тебѣ правоцарствованія: хотя то и будетъ больше благодѣяніемъ Доридѣ, нежели вамъ. Искусство, побѣдить самаго себя, дѣлаетъ достойнымъ человѣка повелѣвать другими: ктожъ бы вамъ „ не былъ послушенъ? Разумъ вашъ, и вашъ „ примѣръ да будутъ мнѣ впредь просвѣщеніемъ во всѣхъ моихъ дѣлахъ.

Не взирая на ту сладость, которую я находилъ въ упражненіи въ сихъ новыхъ мыслехъ, безпокойство о произходимомъ при дворѣ моего отца вывело меня изъ сихъ размышленій. Хотѣлъ знать, что онъ учинить вознамѣрится съ злодѣями, и чемъ себя охранитъ отъ ихъ злодѣйскимъ умысловъ. Желалъ, чтобъ онъ Богамъ предалъ ихъ наказаніе. Ѳеона пріобрѣтала къ нимъ милость въ моемъ сердцѣ; однако не безъ страху было для меня, чтобъ заговоръ прежде не начался, пока зачинщиковъ не возмутъ подъ стражу.

Проклиная порокъ, хотѣлъ винныхъ избавить, которыхъ погибель Ѳеонѣ многихъ

слезъ

слезъ стоила. Трепеталъ, чтобъ строгость Царя не заставила его точно слѣдовать предписанiямъ закона. Къ чему, говорилъ я тогда самъ себѣ, злодѣямъ другое наказанiе, кромѣ напамятованiя злодѣйствъ ихъ, и произходящихъ изъ того угрызенiй совѣсти? Много имъ стоить будетъ приводя ихъ паки къ должности. Смерть, милость еще нещастливому, которыя онъ желаетъ, и въ той злодѣю отказать надлежитъ, а должно только отнять у него волю, дѣлать другому зло, не препятствуя возвращенiю его на доброе. Какъ сожалѣю я теперь о томъ, что отца моего сему правилу научить не могу!

Въ сiе мгновенiе о́ка возвелъ я взоръ мой на то мѣсто, гдѣ могущество Гарпократово изображало мнѣ желанные мною предметы. Я увидѣлъ Клидема, мать мою, и въ объятiяхъ ихъ Ѳеону. „Ежелибы мой сынъ, говорилъ ей Царь, горѣлъ въ любви къ вамъ, такъ „какъ къ Мезронимѣ, то бы и духъ его былъ „таковъ же какъ и вашъ, и мы бы не оплакивали теперь ни погрѣшностей его, ни его „смерти.

„Ахъ! милостивѣйшiй государь, отвѣчала „Ѳеона, ежели бы сынъ вашъ меня любилъ, „то бъ я, вѣдая разность его состоянiя съ моимъ, не попустила его искать въ сердцѣ моемъ славы своей потушенiя; и вы бы никогда не увидѣли Ѳеону, уничтожающу бракъ „его съ Принцессою Гермоклеею. Славную сiю „жертву учиня, довольствовалась бы вашею „радостiю, и будучи всегда покорна, скрала „бы страсти своей то признанiе, которое вы

„ теперь къ умноженїю отчаянїя моего выго-
„ ворить меня заставили.

„ Вы довольно то скрывали, сказала ей моя „ мать; однако я нѣсколько то примѣтя, по- „ кушулась многократно, чтобъ вы въ томъ „ признались; желала прошивоположить красо- „ ту вашу Мезрониминой, здѣлать какъ васъ „ такъ и сына моего благополучнѣе, и прїоб- „ рѣсть бы чрезъ то отъ васъ еще наивящшую „ къ себѣ преданность и любовь, единственное „ мое было при томъ намѣренїе; но вы на „ конецъ сердце ваше такъ утаили, что я „ подумала будто вы себя Меноклесу предо- „ предѣляете.

„ Какъ бы посмѣла я отвѣчала ей Ѳеона, „ повергнувъ себя къ ея ногамъ, открыть вамъ „ такую склонность, въ которой я сама себя „ порицала? Могла ли думать я, чтобъ государи „ мои стали ласкать такую надежду? Государ- „ ственной же прибытокъ все то опровергалъ: „ Гермоклея учинила новое препятствїе . . . „ Тогдабъ о Гермоклеѣ не спросили, отвѣчалъ „ ей мой отецъ поднявъ ея; сей договоръ съ Ари- „ стагоромъ есть плодъ возмущенїй вашего бра- „ та; онъ потаенно раздражалъ противъ меня „ моихъ подданныхъ, а съ симъ иностраннымъ „ имѣлъ переписку. Внутренное несогласїе мо- „ его государства поострило сосѣдей нашихъ, „ обявить намъ войну. Вооруженїя ихъ прину- „ дили меня искать помощи, которую и обѣ- „ щалъ мнѣ Тираннъ Килетской: прочее вамъ „ извѣстно; любовь же Ифисова къ Мезронимѣ „ была средствомъ, употребленнымъ Прота- „ сомъ къ поколебанїю покоя въ Книдѣ.

„ Когда

,, Когда бы мой сынъ васъ предпочелъ, то
,, бы я будучи доволенъ симъ его выборомъ, при-
,, зналъ по моей власти оной справедливымъ, и
,, не имѣя нужды въ подкрѣпленіи новаго союза,
,, согласился бы на бракъ вашъ, которой бы безъ
,, сомнѣнія ограничилъ честолюбныя намѣренія
,, вашего дома. Въ прочемъ же фамилія ваша
,, какъ бы виновата ни была, я ей прощаю;
,, что жъ до васъ касается, любезная моя Ѳеона,
,, то останьтесь при моемъ дворѣ; я не согла-
,, шаюсь, чтобъ вы удалились.

,, Я такъ же тому противлюсь, сказала Ца-
,, рица, обнявъ ея, вы никогда мнѣ такъ любез-
,, ны не бывали, какъ теперь; будьте мнѣ
,, вмѣсто моего сына, о которомъ обѣ соболѣз-
,, новать станемъ. Союзъ дружбою и благодар-
,, ностію истканной имѣетъ великую сладость
,, для чувствительныхъ сердецъ. Стараніе, ко-
,, торое буду имѣть о благополучіи вашемъ,
,, довольно ужè награждено охраненіемъ вашимъ
,, нашего живота.

Печальной сей разговоръ продолжался не безъ пролитія слезъ. По томъ услышалъ я, что Меноклесу приказано было заговорщиковъ взять за караулъ, не внявъ начáла рѣчей ихъ предавшись разнымъ размышленіямъ о томъ, что Ѳеона намѣрена была оставить дворъ. Я сталъ духомъ спокойнѣе, увѣрившись, что Клидемъ и мать моя въ безопасности находятся посредствомъ предпринятыхъ осторожностей. Внутренно благодарилъ ихъ за сохраненіе ими мнѣ Ѳеоны: ласкалъ себя надеждою, что буду со времянемъ ею владѣть, ибо мнѣ не вѣроятно казалось, чтобъ Боги,

здѣлавъ

здѣлавъ толь чудесныя приключенія въ мою пользу, безъ дѣйствія ихъ оставили.

Истинная любовь не оставляетъ тѣхъ сердецъ, коими овладѣетъ; и я въ семъ мнѣніи на каждое мгновеніе ока удостовѣряемъ былъ. Къ Меѳропимѣ чувствовалъ я одно стремительное бѣшенство, чувства мои терзающее; склонность же моя къ Ѳеонѣ была хотя такъ же сильна, однако сладостна. Глаза мои обозрѣвъ красоты первой, возжгли огонь въ моемъ сердцѣ: разумъ мой разсматривая добродѣтели послѣдней, влїялъ въ него свѣтъ и забаву. Двѣ толь противныя страсти должны были имѣть и слѣдствія различныя.

Я вышелъ изъ сего дома, твердо намѣрясь возвратиться туда на другой день, для продолженія моихъ разысканій; и подлинно, успокоясь нѣсколько, пошелъ я въ оной съ великимъ желаніемъ. Посмотримъ сказалъ я тогда, каково поведеніе отца Сострашова: я желаю точно знать такова гражданина, котораго почтенія достойнымъ признаваютъ. Почто упускать такое удобное время, въ которое могу здѣлать себя осторожнымъ противъ ложныхъ видовъ придворныхъ людей. Безъ дѣйствующаго сего чуда, какъ бы возможно было мнѣ не обмануться?

Сострашъ показался. Онъ былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, въ которомъ помнится мнѣ, бывалъ я у него на загородномъ его дворѣ. Оборотясь ко мнѣ спиною, писалъ по видимому съ великимъ прилѣжаніемъ. Какъ благополученъ Философъ въ уединеніи своемъ, и

въ

въ своихъ забавахъ, вскричалъ я тогда! Какъ простой народъ возмущается и приходитъ въ замѣшательство множествомъ дѣлъ, какъ славолюбіе, своекорыстіе, роскошь и мщеніе терзаетъ другихъ, то сей наслаждается мудростію своею въ самомъ себѣ. Какъ соболѣзную я о немъ, когда узнáетъ онъ, что сынъ его въ числѣ злодѣевъ!

Толь долгое время трудясь о величествѣ своей фамиліи и уже удовольствуясь славою и честію, могъ онъ пользоваться покоемъ, и видѣть сына своего послѣдующа стопамъ своимъ, которой теперь, вдавшись въ пороки, при старости его сокрушаетъ. Подъ видомъ ложной ревности предъ олтаремъ поноситъ власть самодержавія, и хочетъ попрать имянемъ Боговъ тотъ скипетръ, которой Боги сами защищать повелѣваютъ.

Хотя я отъ Сострата и отдѣленъ былъ прозрачною завѣсою, однако подошедъ къ нему ближе, прочелъ явственно все то, что перо его изображало.

Я весьма оберегаться стáну, писалъ онъ къ сыну своему, чтобъ не слѣдовать твоему совѣту. Ты думаешь, что имя мое, главою будучи заговорщиковъ, больше придастъ важности; я жъ напротивъ того держу, что буду тебѣ полезнѣе, когда при томъ имяни моего не упомянется. Въ разсужденіи политики не довольно того, чтобъ предвидѣть успѣхи; надлежитъ такъ же предусматривать и противные случаи, и въ томъ дѣлать себѣ вспоможеніе. Когда злой сей умыселъ посадитъ Протаса на престолъ, то услуги твои ему оказан-

оказанныя получатъ себѣ отъ него награжденіе; когда же оной не удастся, то изходатайствую я тебѣ отъ Клидема прощеніе. Жизнь моя ужѐ не долго продолжится: обремененъ будучи благодѣяніями отъ двора, не имѣю теперь ничего требовать, но могу всего лишиться. И для того весьма неразсудно все положить на отвагу. Я притворяю себя безпристрастнымъ гражданиномъ, что мнѣ весьма пристойнѣе, нежели быть предводителемъ бунтовщиковъ. Не спорю, что ты тѣмъ щастіе свое умножишь, когда намѣренія твои удадутся, но ежели удачи въ томъ имѣть не будешь, то всеконечно помощи моей не минешь. Легкомысліе, слабость, неискусство, какъ проводники твоихъ лѣтъ, будутъ тогда служить къ твоему извиненію. Царя приведу тогда въ большой еще гнѣвъ противъ тѣхъ, которые тебя прельстили. Знатные, жрецы, воины, жители въ измѣнѣ обличенные, и кромѣ тебя довольною будутъ жертвою. Чѣмъ отмѣннѣе мое поведеніе отъ твоего, тѣмъ удобнѣе могу тебя сохранить при случаѣ. Однимъ словомъ, я своихъ долговремянныхъ трудовъ погубить не хочу, а оставляю тебѣ твои начать въ покоѣ. Не представляй меня заговорщикамъ, но слѣдуй лучше моимъ совѣтамъ, смотри что я здѣлалъ для своей фамиліи; умножь, коли можно, тѣ прибытки, которыми она теперь пользуется, а я стараться буду о ихъ сохраненіи.

Въ самое то время, какъ онъ послѣднее слово написалъ, вошелъ къ нему одинъ изъ его

его невольниковъ въ смущенномъ весьма видѣ.
„ Милостивой государь, говорилъ ему, безъ малѣйшаго медленія возвратитесь въ Книдъ.
„ Сынъ вашъ погибаетъ, и ужѐ подъ стражею.
„ Заговоръ вышелъ на ружу, и домъ Протасовъ
„ окруженъ воинами. Стратимъ, Аксарисъ бѣгомъ спаслись, а прочїе заговорщики ужѐ въ
„ оковахъ. Я съ великимъ трудомъ къ вамъ съ
„ извѣстїемъ о томъ дойти могъ. Всѣ дороги
„ заняты, сказываютъ, что Θеона измѣнила
„ брата своего; состоящая подъ командою Протаса гвардїя уничтожена. Двѣ тысячи вооруженныхъ воиновъ въ Царскомъ домѣ, и Сострать ничего мнѣ болѣе приказать не успѣлъ.

„ Искусной сей придворной зжогъ въ тотъ
„ часъ свое письмо, и будучи удостовѣренъ,
„ что въ смятенїи семъ участїя дѣломъ не
„ имѣлъ, и изобличенъ въ томъ быть не можетъ, приказалъ вскорѣ къ отѣзду готовиться, и отправился къ Клидему съ спокойнымъ лицемъ, являя строгое свое благочинїе, любовь безъ изъятїя, патрїотической
„ духъ: маска щастливая, которую еще никто кромѣ меня не скрывалъ.

По семъ ускорялъ я представить глазамъ
„ моимъ прїятнѣйшее услажденїе. Божественной Гарпократъ, вскричалъ я тогда, возврати мнѣ образъ дражайшей моей Θеоны.
„ Увидѣлъ, но чтожъ? Къ величайшему моему
„ мученїю будучи имѣть столько силы, чтобъ
„ изобразить все то, напамятованїе котораго
„ и теперь меня еще ужасаетъ! Θеона внѣ
„ себя, Протасъ съ кинжаломъ въ рукахъ, искалъ ея поразить. Ужѐ двѣ служанки ея тѣ-

лами

„ лами своими тѣло ея прикрывающїя получили
„ тѣ язвы, которыя онъ ей было предопредѣ-
„ лилъ, какъ между тѣмъ другїе крикомъ сво-
„ имъ на помощь и избавленїе призываютъ.

„ Вообразите токмо себѣ, естьли можно,
„ терзанїе моего сéрдца. Естественной и́з-
„ вергъ, говорилъ отчаянной Протасъ, силясь
„ продраться до своей сестры̀! Одни токмо
„ подлостїю исполненныя ду́ши соглашаются
„ умирать безъ мщенїя! Поди во адъ и ожи-
„ дай меня тамъ, получа отъ моей рукѝ на-
„ граду твоего вѣроломства! . . . Любезнѣй-
„ шая Ѳеона, сїе совершеннѣйшее естества
„ творенїе, мною обожаемое, едва не преда-
„ етъ духа своего передъ моими глазами, а
„ я не взирая на мою къ ней любовь и ярость,
„ не могъ ея защитить . . . Между тѣмъ Ме-
„ ноклесъ съ воинами и невольниками на крикъ
„ туда вошелъ . . . Увидя то Протасъ и не
„ имѣя никакой надежды, кромѣ бѣга, сбро-
„ сился съ галлереи въ ровъ, водою наполненной.

Текущая въ покоѣ Ѳеониномъ кровь, она
сама почти бездыханна, двѣ служанки ея
умирающїя были весьма плачевнымъ позори-
щемъ, такъ что о другомъ ни о чемъ тогда
помышлять и стараться не осталось. И для
того Протасъ ушолъ, и никто гнаться за
нимъ времяни не имѣлъ.

Однако печальное сїе дѣйствїе сверьхъ
чаянїя моего благополучно окончилось. Взбѣ-
шенной Протасъ по запальчивости своей ра-
нилъ не опасно. Ѳеона пришла паки въ чув-
ство, присудствїе Меноклесово, отмѣнная
милость Царицы, которая видѣть ея пришла,

подлин-

подлинность, что пораженія несмертельны, все сіе ея успокоило! По томъ положили ея на постелю, и безпокойство ея послѣдовавшимъ по томъ сномъ миновалось. Къ дверямъ комнаты ея приставлены были воины. Хотѣли тогда искать Протаса, но ужѐ поздно. Сказали, что въ самое то время, какъ старались овладѣть его домомъ, думая его тамъ найти, скрывался онъ во дворцѣ, и по напраснымъ его стараніямъ, чтобъ убить сестру свою, его ужѐ больше никто не видалъ.

Будучи увѣренъ о безопасномъ состояніи Ѳеоны, возвратился я къ Гарпократу, про. сить его подкрѣпленія, и воздавъ ему за его благодѣянія должное благодареніе, получилъ прежнія силы и бодрость, которыя толь ужасными представленіями уничтожены были.

Какъ ни были увеселительны тѣ сады, въ которыхъ я милостію сего Бога находилъ убѣжище, однако не удалялся отъ той рощи, гдѣ видѣлъ Амура, кромѣ того, когда ходилъ въ стальной кабинетъ. Идучи въ оной разными лабиринтными дорогами, былъ я приведенъ въ удивленіе новымъ явленіемъ. На одной лужайкѣ, чрезъ которую мнѣ нѣсколько разъ хаживать случалось, не видалъ я ничего кромѣ одной зелени; тогда жъ примѣтилъ я, что она многими рѣдкими хорошими цвѣтами испрещена и украшена была. Остановясь хотѣлъ обоняніемъ происходящаго отъ нихъ благовонія насладиться; но смотря на нихъ увидѣлъ, что они составляли буквы, и нѣ-

которые сокращенные слоги: я посредствомъ оныхъ, могъ прочесть слѣдующее:

Ифисъ теперь въ сердцѣ твоемъ, признай дѣйствїе истиннаго Амура; онъ подвергая тебя законамъ своимъ, предвозвѣщаетъ тебѣ благополучїе твое, совершеннымъ тебя залаленїемъ. Нѣтъ! вскричалъ я тогда въ мысли, я не сумнѣваюсь въ обѣщанномъ мнѣ благополучїи. Я любя любимъ, и симъ начинаю познавать, что становлюсь благополучнѣе. Прелестный боже! со всѣмъ тебѣ предаюсь; да будетъ чрезвычайность горячести моей великостїю твоихъ благодѣянїй, и примѣромъ должнаго тебѣ служенїя! Исполненъ будучи надежды и сладости, пошелъ своимъ путемъ, чтобъ спрашивать обыкновенной свой Оракулъ.

Новымъ симъ чудомъ цвѣтовъ всякаго сумнѣнїя лишенъ будучи, началъ разсматривать такїя вещи, которыя до меня не весьма касались. И такъ вспомнилъ я Эгедиппу, которую такъ же нѣсколько хулѣ подверженною почиталъ, и думалъ, что симъ свидѣтельствомъ она можетъ быть того свободиться. Она въ тотъ часъ предстала моему любопытству, Эрисѳенъ встрѣтился съ нею при выходѣ ея изъ покоевъ.

Я хотѣла было итти, сказала ему, однако надобно мнѣ съ вами поговорить, остановитесь . . . Я такъ же васъ о многомъ увѣдомить имѣю, отвѣчалъ онъ, и весьма опасенъ въ томъ, чтобы нещастїе Протасово и Мезронимино до насъ такъ же не коснулось. По утру сего дни былъ я по обычаю во дворцѣ,

однако

однако къ Царю никто не входилъ, и всѣ придворные отъ меня удалялись. Удивясь сей перемѣнѣ, вышелъ я вонъ въ великомъ смущенiи: не намѣрены ли ужъ безъ сумнѣнiя сослать меня въ прежнее мое уединенiе, изъ котораго вашимъ старанiемъ выведенъ.

Не опасайтесь, сказала она ему на то, я такъ себя вела, что страшиться нѣчего; а хотѣла только вамъ сказать, чтобъ вы, какъ мнѣ кажется, поспѣшали отъѣздомъ вашимъ.. Какъ, поспѣшать моимъ отъѣздомъ? Пресѣкъ ея рѣчь, Эрисѳенъ. Да, отвѣчала она ему, не давъ больше говорить. Когда присудствiе ваше не будетъ больше колоть завистныхъ глазъ вашихъ совмѣстниковъ, то тогда будетъ мнѣ способнѣе, защитить себя отъ сей непогоды. Ежели вы еще отъѣздъ вашъ откладывать станете, то нѣкоторые можетъ быть проискомъ своимъ заманятъ васъ въ свои замыслы, и вы вступите съ ними въ подозрительное согласiе.... Однако, пресѣкъ онъ такъ же ея рѣчь, при настоящихъ обстоятельствахъ скорое мое и нечаянное удаленiе дѣйствительно почтется опасенiемъ, и по тому будетъ подозрительно. Къ томужъ еще, какъ возможно мнѣ и подъ какимъ видомъ отлучиться больше мѣсяца, не давъ о томъ знать правительству?

Постой, говорила ему, станемъ теперь откровенно говорить: вы въ дѣлахъ нималѣйшаго искусства не имѣете, и не знаете какъ при дворѣ живучи обходиться, гдѣ вамъ ежечасно такiе силки наставить можно, которыхъ вы никогда не увидите. Много та-

кихъ людей, которые стараются о томъ, чтобъ поступки ваши хулы были достойны: будучи вашею свойственницею, могу я васъ присовокупить въ число придворныхъ, однако можетъ быть не въ состоянїи охранить васъ отъ собственныхъ вашихъ погрѣшностей, которыя здѣлаютъ васъ беззащитнымъ противъ вашихъ злодѣевъ. Еще одно мнѣ нѣ понятно, говорилъ ей Эрисѳенъ, что вы такъ же спокойны, я о васъ трепещу. Надѣетесь ли вы явиться теперь ко двору, бывъ при милости тѣхъ, которые ужѐ врагами всего общества признаны? Всеконечно явлюсь, сказала она, такъ какъ ужѐ одиножды то и здѣлала; а чтобъ имѣть туда невозбранной входъ, то приму иныя мѣры.

Первое намѣренїе мое состояло въ томъ, чтобъ Мезронимину довѣренность употребить себѣ въ пользу; второе жъ, чтобъ слѣдовать по ней въ сердце Ифисово, или Протасово: и такъ служила я ей подъ видомъ какъ того такъ и другаго намѣренїя; а когда бы послѣ которому ни будь изъ ея обожателей удалось удержать полную власть, то тогда бы и всѣ старанїя мои на него склонились. Въ то время по его къ себѣ благодарности была бы я въ состоянїи мысль его сверьхъ чаянїя хитростїю своею къ себѣ привлечь. Мезронима прекрасна; однако разумъ и искусство преодолѣваютъ со времянемъ красоту лица. Это правда, сказалъ Эрисѳенъ, однако Ифиса ужѐ нѣтъ, а Протасъ изчезъ; что же вамъ остается? . . . Забудемъ ихъ, отвѣчала ему Ѳегидиппа усмѣхнувшись, я вкрадусь въ Ѳеону,

стану

стану удивляться ей съ Меноклесомъ, буду оплакивать Ифиса съ Царицею, а о государственныхъ дѣлахъ начну разсуждать съ Царемъ. Узнаю силу, слабость и прибытки Министровъ; и вы увидите, что я уничтожая честолюбїе однаго, и выхваляя способность другаго, здѣлаю себя надобною или со всѣмъ страшною.

Пойдемъ, государыня моя, отвѣчалъ Эрисѳенъ, я вижу проворность вашу, уступаю хитрости вашей, и не хочу, чтобъ неискусство мое въ чемъ либо васъ огорчило. Во всемъ вамъ обязанъ, и по тому во всемъ вамъ повинуюсь. По семъ увѣренїи она его отпустила.

Однако въ тожъ самое время сказали ей, что Героклъ желаетъ ея видѣть. Тотъ прїемъ, котораго она его удостоила, доказалъ мнѣ, что имѣетъ къ нему нѣкоторую благосклонность. Я теперь въ отчаянїи, говорила ему, что не обходимо васъ оставить принуждена; а ожидала было васъ къ себѣ сего дня на вечеръ. Заговорясь съ Эрисѳеномъ, утратила я то время, которое бы охотнѣе съ вами препроводила. Теперь надобно мнѣ ко двору итти. И такъ не безъ причины, стану я, отвѣчалъ Героклъ, ревновать къ Эрисѳену; вы съ нимъ говорили, а меня того удостоить не хотите. Какъ вамъ не стыдно, говорила ему, думать о ревности? Съ Эрисѳеномъ говорили мы о нашихъ домашнихъ дѣлахъ. Вы знаете, что я васъ люблю; и съ вашей стороны о любви увѣрена; однако на конецъ со всѣмъ тѣмъ не возможно быть намъ непрестанно другъ съ другомъ. Прощайте . . . Я васъ оставляю.

Это очень смѣшно, говорилъ ей Героклъ, остановя ея; вы сего дни отмѣнно мучительски со мною поступаете. Было то время, продолжалъ онъ свою рѣчь усмѣхнувшись принужденно, что вы и къ Ифису больше склонности оказывали.

Какъ? это васъ оскорбляетъ, вскричала Эгедиппа, такъ вы не благодарны? Я равно пекусь какъ о вашемъ щастiи, такъ и о удовольствiи; и для того надлежало было вамъ меня больше почитать . . . .

А! изрядно, пресѣкъ онъ ея рѣчь, это для моего щастiя, что вы требуете . . ? Безъ сумнѣнiя, говорила ему; я стараюсь возвесть васъ Протасовою погибелью. Любезная Дринопля обѣщала мнѣ, изходатайствовать милость Ферецидову съ тѣмъ, чтобъ вы получили главную команду надъ царскою гвардiею: Ферецидъ все можетъ у Клидема. Подлинно, чтобъ отплатить нѣкоторымъ образомъ сiю услугу, то выпрошу я, чтобъ брата Дриноплина послали посломъ въ Милетъ; Руссiасъ хотѣлъ о томъ Царю предложить сего дни въ совѣтѣ, и я вѣдать желаю, здержалъ ли онъ свое слово. Сверьхъ же того не обходимо надобно мнѣ увидѣть Ѳеону; я имѣю ей открыть нѣкоторыя Мезронимины тайности, чѣмъ услужить ей думаю. Однимъ словомъ, я не въ состоянiи потерять ни одной минуты, къ томужъ и разумные люди на любовь излишнее только время употребляютъ.

Вы удивительны, сказалъ ей Героклъ! васъ ничемъ уговорить не можно, однако по крайней мѣрѣ взгляните на меня. Знаете ли, вы

что глаза ваши противное тому кажутъ, и меня удерживаютъ: мнѣ не возможно . . . Я сего дни на вечеръ васъ увижу, сказала ему съ нетерпѣнїемъ. Забавляйте между тѣмъ молодую Тидею. Адрастъ, вы и я станемъ потомъ веселиться. Прощайте, я больше васъ не слушаю. И подлинно подавъ ему руку пошла вонъ.

Узнавъ свойства Эгедиппы, удивился я, по тому что не чаялъ найти въ ней толь остраго разума, и такой великой къ забавамъ склонности. Честолюбїе сей женщины такъ долгое время при дворѣ неизвѣстное, средства, употребленныя ею къ возмущенїю всѣхъ, чрезвычайная притворность, проницательной разсудокъ предвидѣть бурю среди тишины, отъ нея себя охранить, и на конецъ помощїю одной почти доски избѣжать потопленїя, все сїе казалось мнѣ не понятно. До сего думалъ я, что званїе и дарованїя женщинъ состояли только въ томъ, чтобъ угождать, а не повелѣвать.

И такъ владѣютъ они тѣми, говорилъ я самъ въ себѣ, которыхъ прельстятъ? Самодержавной государь, законодавецъ, завоеватель, думая поступать по знанїю своему и по разсужденїю, слѣдуетъ токмо тому пути, которой двумя прекрасными глазами освѣщается? блаженъ и треблаженъ тотъ страстной человѣкъ, котораго сердце изберетъ себѣ проводника въ заблужденїе невводящаго или такой Философъ, которой возбраняетъ входъ въ сердце свое какъ любви, такъ и другимъ страстямъ, кромѣ одной премудрости! Ежели бы

не обожалъ я Ѳеоны, то желалъ бы лучше быть Пиѳагоромъ, нежели всего міра повелителемъ. Какъ скоро токмо въ мысляхъ моихъ сіе изображеніе составилось, то вдругъ стальная стѣна представила мнѣ наипрекраснѣйшее глазамъ моимъ позорище.

Пиѳагоръ съ изображенною на челѣ радостію, приносилъ Богамъ сточисленную жертву въ благодарность за учиненное имъ новое изобрѣтеніе. Леонъ Царь въ Флїусѣ, пріумножая его славу, возбуждалъ народъ къ восклицаніямъ, которыми сей великой мужъ превознесенъ былъ. Мнѣ не извѣстно было еще сіе изобрѣтеніе, толь великимъ жертвоприношеніемъ празднованное. Слыхалъ довольно, что Пиѳагоръ старался, о приведеніи въ совершенство Философіи, и что съ великимъ раченіемъ всегда упражнялся въ испытаніи естества и истинны. Онъ вѣдалъ путь звѣздъ и ихъ движеніе; узналъ сердца человѣческія, и провождалъ ихъ ученіемъ своимъ и примѣромъ къ добродѣтели. Сверхъ того былъ усердной гражданинъ вѣрной другъ, и нравы его такъ же чистые какъ и его ученіе достойны были великой похвалы и привлекли къ нему многихъ учениковъ.

Ещежъ извѣстно мнѣ было и то, что онъ, обшедъ почти весь свѣтъ, и исполнивъ его вездѣ ученія своего и знанія плодами, остановился въ Флїусѣ, гдѣ Леонъ, государь сего малаго владѣнія, принялъ его съ великою отмѣною. Сей государь, какъ не безъизвѣстно, всякой славы жаждущей, дѣлалъ только для того добродѣтели, чтобъ объявить то по

гордо-

гордости своей всему свѣту. Прославясь завоеваніями своими и мудростію своего правленія, хотѣлъ еще и тѣмъ славу пріобрѣсть, что собралъ къ себѣ мудрецовъ, стихотворцовъ и художниковъ изъ всей Греціи. Призывая ихъ въ свое царство, думалъ прославить на вѣки государствованіе свое или дѣлами ихъ или ихъ удивленіемъ своей премудрости, однако со всѣмъ тѣмъ не зналъ я еще, въ чемъ состояло изобрѣтеніе Пиѳагорово.

Одинъ молодой человѣкъ, которой мнѣ иностраннымъ показался, продравшись сквозь тѣснящейся народъ, и будучи такъ же любопытенъ какъ я, спросилъ о причинѣ сего празднованія. Государь мой, отвѣчалъ ему одинъ старикъ, у котораго онъ спрашивалъ, сей Философъ, коего вы у олтаря видите, есть великой Геометръ. Онъ нашелъ и доказалъ, что квадратъ изъ большой линеи прямостороннаго треугольника равенъ квадратамъ обоихъ сторонъ; и чтобъ благодарить за то боговъ, приноситъ онъ имъ сего дня сто быковъ.

Простите мнѣ, сказалъ ему на то сей молодой человѣкъ, что я вашихъ словъ разумѣть не могу, пожалуйте, государь мой, изъясните мнѣ, что то значитъ квадратъ изъ большей линеи и проч. Со всею охотою, говорилъ ему, сей степенной мужъ. Что дважды два сочинятъ четыре, о томъ уже сумнѣваться нечего, сіе прехвальное изобрѣтеніе въ семъ молодомъ человѣкѣ не произвело нималаго удивленія. Онъ отвѣчалъ ему на то одн имъ смѣхомъ и вышелъ вонъ изъ храма. Признаюсь, что оное и во мнѣ такое же дѣйствіе

причинило; и я хотѣлъ было сїе изображенїе уничтожить другими мыслями, какъ вдругъ новой Актеръ дѣйствїе сїе гораздо забавнѣе зделалъ.

Ксенофанъ изъ Колофона стихотворецъ, Гисторикъ и Философъ вкупѣ, озлобясь на свое отечество, гдѣ свойство души его дарованїямъ его во всемъ противное, умножало его непрїятелей, какъ между тѣмъ сочиненїя его тамъ подобныхъ себѣ не имѣли, скитался долгое время за предъ идущей себѣ славой, находя къ письмамъ своимъ вездѣ почтенїе, самому жъ себѣ презрѣнїе. Оставивъ Цанкле и Котану, пришелъ ко двору Леонову, гдѣ полученными милостьми тотчасъ возгордился. Сей государь оказалъ ему отмѣнное привѣтствїе и особливую честь. Хотя Ксенофанъ еще въ первой разъ былъ приближенъ къ царской порфирѣ, однако, подумавъ, что въ нее облекся, со всѣмъ позабылся. Исполненъ будучи зависти, и надѣясь на свою доворѣнность при дворѣ, вообразилъ себѣ, что славѣ его не малой ущербъ причинится, когда онъ дозволитъ приписать Пиѳагору толь великїя похвалы. Прибѣжавъ въ великомъ смущенїи среди самаго жертвоприношенїя: Постойте, сказалъ громкимъ голосомъ: Пиѳагоръ обманываетъ здѣсь боговъ, Царя и весь народъ; Талесъ изобрѣтатель сей задачи со всѣми ея принадлежности; вотъ здѣсь и фигура собственною его рукою начерченная, а Пиѳагоръ неблагодарной токмо затмѣватель своего учителя славы.

Пиѳа-

Пиѳагоръ поносными сими словами видя себя поругана, озлобляется, но Леонъ его укрощаетъ, повелѣвая изъясняться въ томъ съ обоихъ сторонъ одними токмо словами и доводами. И такъ начали два сіи соперника спорить; послѣдовали же ихъ будто бы въ порядокъ къ бою построились: нѣсколько учениковъ Талесовыхъ пристали къ Ксенофану; всѣ начали вдругъ говорить, и споръ здѣлался запальчивѣе; однако Пиѳагоръ упорно въ томъ стоитъ, что онъ одинъ изъискалъ доказательство, что дважды два дѣлаютъ четыре.

Взбѣсясь почти, видя, что его не слушаютъ, бросаетъ свой Математической инструментъ въ лице Ксенофану, которой вынявъ стальное свое перо пишетъ на лицѣ неприятеля своего разныя эпиграммы. Царь желая напрасно ихъ развесть, получаетъ ударъ отъ одного, а рану отъ другаго. Между тѣмъ обезоруживаетъ ихъ и не разсмотрѣвъ дѣла подробно, приказываетъ Ксенофану отъ себя удалиться.

Пиѳагоръ почитаетъ побѣду на своей сторонѣ, однако Леонъ смягченъ будучи, призываетъ паки стихотворца; говоритъ съ нимъ съ великимъ пріятствомъ, такъ что казалось, будтобы примиреніе ихъ было искренно. Кто жъ бы чаялъ, что въ одно мгновеніе ока послѣ сего толь ласкательнаго разговора, Леонъ бы паки прогнѣвался? Изгоняетъ Ксенофана, и не знаютъ тому причины. Стихотворецъ снова бѣгомъ спасается.

Спра-

Странное сїе явленїе весьма меня увѣрило о слабостяхъ человѣчества, о мучительствѣ страстей, о заблужденїяхъ разума и о чрезвычайностяхъ гордости. Какимъ образомъ, говорилъ я тогда самъ въ себѣ, подумавъ съ ужасомъ, правительствовать нѣкогда съ мумудростїю? Мнѣ надлежитъ страшиться самаго себя и всѣхъ тѣхъ, кои меня окружаютъ. Философы, придворные, любовницы, министры, полководцы, незнанїе ваше, своекорыстїе ваше, своенравїя ваши, ваше тщеславїе или честолюбїе возбуждаютъ непрестанно въ слушающихъ васъ нещастныхъ государей такїя намѣренїя и поощряютъ ихъ на такїя дѣла, по которымъ о нихъ потомки судить будутъ: Ахъ, Ѳеона! Ахъ, Меноклесъ! Добродѣтели ваши меня успокоиваютъ, и я не долженъ въ томъ сумнѣваться.

Въ самое то время увидѣлъ я ихъ въ покоѣ Царицы матери моей, куда и отецъ мой пришелъ въ провожанїи стараго Сострата, тогда услышалъ я, что Протасъ, вмѣсто того, чтобъ принять предлагаемую ему милость и заслужить ея своимъ раскаянїемъ, собралъ нѣсколько бунтовщиковъ, съ которыми дѣлаетъ супротивленїе. Сверьхъ же того по продерзости своей хотѣлъ было ночью напасть на стражу царскаго дома и ея разбить, однако не предуспѣя въ томъ, отступилъ назадъ въ храмъ Веперинъ, гдѣ думаетъ защищать себя подъ охраненїемъ богини въ глазахъ Мезронимы.

Убѣжище сїе было какъ для него, такъ и для жрицы самой отъ всякаго насилїя свобо-

дно:

дно: однако между тѣмъ приказалъ Царь окружить сей храмъ и пресѣчь съ ними всякое сообщенїе, думая чрезъ то принудить ихъ къ здачѣ. Молодой Сострать ради чаемаго достоинства своего отца осужденъ былъ только на изгнанїе, прочїе же бунтовщики преданы были строгости закона. Ещежъ извѣстился я, что острова̀ Косъ, Кларосъ и Родосъ оставя намѣренїе свое соединенными силами напасть на Дориду, помышляли о собственномъ самихъ себя защищенїи, и просили о общемъ согласїи, чтобъ возстать всѣмъ противъ щастливаго Поликрата Тиранна Самоскаго. Завоеватель сей, будучи всегда щастїемъ подкрѣпляемъ, вздумалъ, обезпокоя прежде всю Грецїю, раззорить по крайней мѣрѣ ея поселенїя.

Аристогоръ бывъ тѣмъ угроженъ первой, искалъ союза Дорїанъ, представивъ себя прежде такимъ защитникомъ, которой свое вспоможенїе на правныхъ ему только договорахъ обѣщалъ, говорилъ теперь въ ужасъ приведеннымъ государемъ, которой не могъ остановить насилїя, и здѣлать конца благополучїю толь долгое время непобѣдимаго непрїятеля. Каждое сосѣдственное правленїе страшась такъ же впасть послѣ паденїя Милета въ подданство, разсудило за благо учинить ему помочь.

Мать моя и Ѳеона остались одни; сердца̀ ихъ объ одномъ соболѣзнующїя, одною прискорбностїю пораженныя находили въ томъ увеселенїе, что другъ другу открывались. Какъ скоро только увидѣли они себя наединѣ, то

глаза

глаза ихъ наполнились слезами. Ахъ, любезная моя Ѳеона, говорила ей тогда мать моя, какое бы теперь было для меня и для тебя благополучное время, естьли бы Боги оставили мнѣ моего сына! Принцесса Гермоклея не имѣла бы предъ тобою государственныхъ прибытковъ. Ифисъ, узная Мезрониму, не открекся бы отъ того, чтобъ подать тебѣ свою руку. Милостивая государыня, отвѣчала ей Ѳеона, сїе время не увеличиваетъ моего сожалѣнїя: да дарують Боги, чтобъ сей любезной Принцъ вамъ возвращенъ былъ и съ тѣмъ еще, чтобъ Гермоклею обожать, а меня ненавидѣть; я безъ всякаго соболѣзнованїя на то соглашусь, только чтобъ мнѣ его по крайней мѣрѣ увидѣть.

Тогда собрали они нѣкоторыя оставшїя послѣ меня бездѣлки, и смотря на нихъ пришли въ не малое умиленїе, такъ что будто бы сїи бездушныя вещи имѣли прежде того участїе въ моемъ бытїи, и могли еще мнѣ сообщать знаки любви неутѣшимой любовницы.

Не знаю я, что такое во мнѣ происходитъ, говорила Царица, и среди самой моей печали чувствую я въ себѣ нѣкоторое утѣшенїе, чему причины сказать не могу. Правда, что сынъ мой пропалъ въ самое то время, какъ земля разтворилась, и тысяча человѣкъ свидѣтельствуютъ о его смерти; но между тѣмъ нѣкая сила изтребляетъ сїе мнѣнїе изъ моей головы, и каждой день мечта сїя увеличивается.

Милостивая государыня, говорила ей напротивъ того Ѳеона, сія ласкающая васъ мечта есть ничто иное, какъ дѣйствіе горячести вашей, которая обыкновенно съ великимъ принужденіемъ любезнаго своего оставляетъ. Много весьма стоитъ увѣрить себя о потеряніи того, что человѣкъ любитъ, такъ что мы иногда принуждаемъ себя сумнѣваться въ томъ нещастіи, которое насъ того лишаетъ.

Какъ ты безчеловѣчна Ѳеона, отвѣчала ей на то Царица! не истребляй сего пріятнаго заблужденія; Боги, думаю я, мнѣ оное вливаютъ, и извиняютъ то многія предказанія. Сею ночью видѣлось мнѣ во снѣ, будто бы Аполлонъ и Діана тронуты будучи судьбою Ніобы, и довольствуясь своимъ надъ нею мщеніемъ, одушетворили ея статую и ея дѣтей. Сего же утра ястребъ въ моихъ глазахъ опустился было на гнѣздо ласточки: на крикъ устрашенной сей и безпомощной матери, прилѣтелъ орелъ, и напалъ на ястреба, которой принужденъ будучи себя защищать, оставилъ свою добыду, и малые птенцы упали безъ всякаго поврежденія на траву.

Предсказанія Царицы матери моей были безъ сумнѣнія божественныя вліянія. Амуръ, сказалъ я тогда повергнувъ себя на землю, соблаговоли, чтобъ они и въ сердцѣ вкоренились Ѳеонино, которая сверьхъ мѣры оплакиваетъ любителя тобою ей сохраненнаго.

Желаніе мое произнесъ я съ толь великимъ усердіемъ, что сей Богъ его въ тотъ же часъ исполнилъ. Услышалъ я, что мать моя и

Ѳеона

Өеона вскричали отъ удивленія, говоря одна другой: слышали ли вы, такъ же какъ и я, голосъ извѣствующей намъ, что Ифисъ еще живъ? Ахъ, милостивая государыня . . . Ахъ Өеона! . . . Какое чудо!

Пролитіе слезъ было на нѣсколько времяни единственнымъ изъявленіемъ ихъ радости. Обънявшись многажды хотѣли говорить, однако слова ихъ недоконченныя хотя и были невнятны, но меня весьма услаждали. На конецъ же не могши противиться радостнымъ своимъ восторгамъ, поспѣшали дать знать во всемъ дворцѣ о скоромъ моемъ возвращеніи.

Что пріятнѣе того быть можетъ, какъ любить, и быть напротивъ того любиму? По что гордость иногда вооружается противъ сей чувствительности? Какимъ образомъ почитаютъ нѣкоторые Философы, что совершенство состоитъ въ томъ, чтобъ на землѣ ни къ чему не прилѣпляться? Напрасно похваляютъ они сіе отрицаніе; и приписанныя ему славныя имяна стоятъ ли того, чего человѣкъ чрезъ то лишается? Сколь много такихъ строгихъ людей, которые почитая любовь слабостію, вдаются въ гораздо недозволенныя, въ разсужденіи ея, забавы? Сколько видалъ я такихъ мудрецовъ, которые дрались между собою за одни пустыя мнѣнія съ большею непристойностію и запальчивостію, нежели два совмѣстника спорющіе другъ другу во владѣніи любезной! Сколькожъ еще и такихъ, которые явно хулятъ сластолюбіе, сами же потаенно порабощаются ему съ крайнею невоздержностію! И такъ въ посмѣхъ строгимъ ихъ

пред-

предписанïямъ находилъ я въ болѣзняхъ и увеселенïяхъ матери моей и Ѳеоны не малую отраду, почитая чувствительность ихъ собственною своею. Ощущенная ими радость о томъ, что я еще живъ, придала силамъ моимъ отмѣнную крѣпость; ученые же и Философы по учинившейся ссорѣ Пиѳагоровой съ Ксенофаномъ не имѣли для меня больше уваженïя, чтобъ покорить духъ мой безъ малѣйшаго размотренïя нравоученïю ихъ больше на словахъ, нежели на самомъ дѣлѣ основанному.

Между тѣмъ вспомнилъ я Ферецида, и онъ въ тожъ самое время и показался. Я почти цѣлой день за нимъ слѣдовалъ. Видѣлъ его въ его кабинетѣ у Царя, по томъ въ кругу многихъ женщинъ: однимъ словомъ, нигдѣ глазъ съ него не спускалъ, но вездѣ видѣть его старался. Веселой его нравъ блисталъ и въ важныхъ дѣлахъ, а мудрость и въ забавахъ. Любилъ Царя, любилъ отечество, и ничего не жалѣлъ въ оказанïи услугъ какъ тому, такъ и другому. Будучи хитрымъ придворнымъ человѣкомъ, оказывалъ себя безъ робости при случаѣ и явнымъ другомъ, и явнымъ непрïятелемъ, не поработясь никакой насильной страсти, но склонность имѣя ко всѣмъ забавамъ, сыскалъ отъ части тѣмъ свое щастïе. Бывъ одаренъ проницательнымъ и снисходительнымъ разумомъ, сильнымъ и блистающимъ совоображенïемъ, великимъ же и въ самыхъ бездѣлицахъ познанïемъ, здѣлался судьею, образцомъ и мучителемъ (женщинъ). Мнѣнïя его были долгое время оцѣнкою ихъ красотъ. И какъ онъ рожденъ былъ на ихъ прелыщенïе

щеніе и имѣлъ искусство ихъ обманывать, то хотя и всѣ старались ему угодить, однако ни которая не могла его еще удержать въ своихъ оковахъ. При нихъ оказывалъ себя гордымъ, все на себя снималъ, все самъ одинъ рѣшилъ, разпоряжалъ, приказывалъ, и на конецъ всѣхъ ихъ ослѣплялъ. Всѣ его слушаютъ, всѣ его боятся, всѣ его почитаютъ.

Я не выходилъ почти больше изъ сего мѣста, гдѣ толь чудесныя вещи, чудеснѣйшимъ еще образомъ глазамъ моимъ представлялись. По томъ удовольствуя любопытство свое въ любви, въ ненависти и во всѣхъ тѣхъ вещахъ, кои до меня касались, началъ я горестно воздыхать о продолжающемся толь долгое время моемъ уединеніи. Хотя я и ласкалъ себя, что такимъ же чудомъ возвращенъ буду въ Книдъ, однако Боги откладывали еще оной сверьхъ мѣры въ разсужденіи моего нетерпѣнія.

Сгоралъ почти желаніемъ поклясться Ѳеонѣ, въ вѣчной любви. Сердце ея было мнѣ извѣстно, а хотѣлъ ей свое открыть, представляя себѣ весьма пріятное воображеніе того мгновенія ока, въ которое горячесть моя получитъ согласіе отъ ея чувствительности. Сверьхъ же того Клидемъ, мать моя и Меноклесъ, были мнѣ толь драгоцѣнны, что я не могъ быть долгое время съ ними въ разлукѣ безъ болѣзни.

О Протасѣ и Мезропимѣ я уже больше не помышлялъ, по тому что напамятованіе ихъ было мнѣ омерзительно. Успокоясь покровительствомъ Боговъ, и предпринятыми

Царемъ

Царемъ отцомъ моимъ мѣрами не находилъ я отъ ненавистныхъ сихъ нималаго страха, и для того не хотѣлъ ихъ больше видѣть. Когда бы я Ѳеону не такову къ себѣ нашелъ, то бы можетъ быть не такъ много желалъ возвратиться въ Дориду. Домъ Молчанія, было весьма пріятное мѣсто, и такая всего свѣта картина, которою любопытной человѣкъ довольно бы насладиться не могъ; однакожъ я получивъ могуществомъ Гарпократа въ нужнѣйшимъ дѣлахъ изъясненіе, не хотѣлъ больше проникать въ тайности до меня не касающіяся.

Различные въ семъ случаѣ опыты служили только къ тому, чтобъ истребить хорошее мое мнѣніе о многихъ знатныхъ людяхъ, которые бы симъ свидѣльствомъ весьма умалились. Удовольствуясь познаніемъ тѣхъ, съ коими мнѣ жить надлежало, не былъ я намѣренъ долѣе научаться презирать людей, познавая пороки ихъ, слабости и заблужденія.

Думалъ я, что человѣчество вообще подвержено было несовершенству, по чему и мое увеселеніе инако быть можетъ, когда другимъ разсмотрится. Кто бы захотѣлъ сорвавъ прекрасной цвѣтъ, положить его себѣ на языкъ, ежели бы зналъ, что сокъ его смертельной ядъ?

Снѣдаемъ будучи желаніемъ увидѣть паки то, что обожаю, а разсудка почти лишенъ не преодолѣваемыми препятствіями удерживающими мое возвращеніе, и лишась съ людьми всякаго общенія, предался я не сносной скукѣ. Вотще призывалъ я себѣ на по-

мощь драгоцѣнной образъ Ѳеоны, точно разсматривая всѣ лица ея черты, всѣ ея слова и всѣ ея дѣла. Чудесное сїе представленїе еще больше раздражало мою запальчивость, и прїумножало мое нещастїе. Чѣмъ больше получаешь, тѣмъ больше желаешь. Боги избавили меня отъ прельщенїя моей страсти, отъ сѣтей враговъ моихъ, отъ злодѣйства возмущенїя зломышленниками моими къ пагубѣ моей начатаго, и на конецъ отъ самой смерти; я ощущалъ въ себѣ истинную любовь и былъ тою же плаченъ; хотя и зналъ достоинство добродѣтели, однако отсудствїе Ѳеоны казалось мнѣ наинесноснѣйшимъ мученїемъ, такъ что надежда и радость едва столько силы имѣли, чтобъ воспрепятствовать ропшанїю моему въ горести.

Въ сихъ мучительныхъ размышленїяхъ препроводилъ я нѣсколько времяни; иногда обливаясь слезами повергалъ себя къ ногамъ статуи Гарпократовой, или гулялъ въ рощѣ Амуровой, а иногда требовалъ вида прелестнаго моей любезной отъ священныхъ стѣнъ, которые начертанїемъ прїятнаго сего зрака еще больше почтеннѣе для меня были. Господствующее кругъ меня молчанїе, котораго вопль мой на концѣ языка прекращающейся нарушить не могъ, умножало весьма печаль мою, но сїя печаль была для меня не оцѣненна. Хотѣлъ либо видѣть Ѳеону или ея оплакивать; такъ что ничто не предуспѣло къ разгнанїю сихъ мыслей моихъ. Взоръ свой возводилъ я на небо и на Ѳеону.

„Боже-

„Божественный Пиѳагоръ, сказалъ я однажды самъ въ себѣ, вспомня нѣкоторыя приключенія его жизни, „стрѣла Абарисова была „бы мнѣ теперь полезнѣе, нежели тебѣ. Бла„гополучіе твое не состоитъ въ томъ, что„бъ преносиму быть въ самой скорости съ „одного мѣста на другое, для тебя вездѣ равно.

Вообразите только себѣ, естьли возможно, радостной возсторгъ нестройныя мысли мои тогда возхитившей, когда пожелавъ стрѣлы сей, увидѣлъ ея къ ногамъ моимъ низпадшую! Принявъ ея съ величайшимъ удовольствіемъ, не хотѣлъ употребленіе ея долѣе откладывать, какъ токмо принесть богамъ благодарность; и такъ побѣжалъ къ образу Гарпократову, и ставъ передъ нимъ на колѣна, обрѣзалъ свои волосы, и положилъ ихъ у ногъ его какъ нѣкую жертву въ знакъ благодарнаго моего сердца. По томъ призвалъ Амура на помощь, взялъ сію стрѣлу въ руки, желалъ быть въ Книдѣ, и пресѣкалъ воздухъ съ необычною скоростію.

Думалъ я тогда о себѣ, что возхищенъ былъ на крылахъ сына богини Цитерской. Огонь его и произходящее отъ того едва не всѣхъ чувствъ моихъ отложеніе и безпамятство наполняли сердце мое, такъ что я ни о чемъ иномъ не помышлялъ, какъ о будущемъ моемъ благополучіи. Готовился видѣть Ѳеону, ей все то сказать, что чувствовалъ, и на конецъ вкусить такое удовольствіе, котораго мнѣ одна еще надежда извѣстна была. Совоображеніе мое больше еще дѣйствующее, такъ сказать, Боговъ могущества, неслось

въ Книдъ поспѣшнѣе меня самаго, и казалось будто бы къ сему чудотворенію немало способствовало.

Вотще представлялись взору моему высочайшія горы, ужасныя пропасти, играющія поля, города, войска и многочисленные флоты: ни страхъ, ни любопытство не могли остановить меня ни на одно мгновеніе ока. Солнце, коего теченію ничто не препятствуетъ, и которое не начинаетъ бѣга своего какъ токмо съ нетерпѣніемъ, чтобъ возвратиться паки въ объятія Ѳетиды, видѣло меня еще больше нетерпѣлива, опреждающа его колесницу. При приближеніи къ Книду, почувствовалъ я въ себѣ не обыкновенное движеніе вмѣсто того, чтобъ лѣтѣть горизонтально, примѣтилъ я вдругъ, что низпускаюсь прямо на землю. Вскорѣ услышалъ я крикъ нѣсколькихъ людей симъ воздушнымъ явленіемъ въ ужасъ приведенныхъ. Первые увидѣвшіе меня Книдіане, и признавшіе меня нѣкоимъ божествомъ, пали предо мною на землю.

На конецъ пришелъ я ко дворцу. Клидемъ, мать моя и весь дворъ, побужденные неслыханною сею новостію и произшедшимъ отъ того крикомъ, шли мнѣ на встрѣчу съ великою поспѣшностію. Вторичной и единогласной крикъ всего сбѣжавшагося народнаго множества нарекъ мое имя. Клидемъ и мать моя подошедъ ко мнѣ ближе, узнали меня . .
„О, всемогущіе Боги! любезной сынъ нашъ!
„вскричали они.

Я бросясь въ ихъ объятіе, страшился нѣсколько времяни, чтобъ общая наша радость

не

не была намъ вредительна. Все то, что естество ни имѣло въ себѣ наиприятнѣйшаго; все то тогда сердцами нашими чувствуемо было. Вскорѣ по томъ слышанъ былъ одинъ только приятной шумъ прерывающихся словъ и недоконченныхъ вздоховъ. Клидемъ долговремянными философическими разсужденiями противъ всякаго рода нещастiя вооруженной, былъ беззащищенъ противъ выраженiя неожидаемаго сего удовольствiя. Разумъ его, постоянство, государственныя безпокойства, достоинство его сана, необходимость подкрѣпить духъ Царицы собственнымъ своимъ примѣромъ, принудили его снесть потерянiе сына съ великодушiемъ: по крайней мѣрѣ являлъ онъ себя таковымъ въ наружномъ видѣ; нечаянной же сей случай открылъ его чувствительность. Прижавъ меня къ своей груди, называлъ всѣми дражайшими имянами; слёзы его текли по лицу моему и мѣшалися съ моими, и казалось въ прочемъ будто бы онъ въ сердцѣ моемъ почерпалъ всѣ свои возхищенiя.

Съ природы же щедрая и горячестiю ко мнѣ исполненная моя мать предалась безъ изъятiя слабости своего сердца. Я былъ дражайшей ея сынъ, причина всѣхъ ея желанiй и всей ея болѣзни; я даровалъ ей животъ: хотѣла принесть за то богамъ жертву, о которой думала, что какъ бы велика ни была, однако не достаточна будетъ, къ изъявленiю ея благодарности за чудесное сiе приключенiе, меня возвратившее. Была прежде въ наиглубочайшемъ отчаянiи, теперь же жела-

ла спокойно умереть, обнявъ меня прежде своего конца.

„Вы не хотѣли мнѣ вѣрить, говорила она отцу моему, „какъ я предсказывала вамъ его возвращенiе. „Хотя жъ теперь надежда моя „и свершилась, однако еще все въ томъ „сумнѣваюсь. Тебя ли вижу? дражайшей „мой Ифисъ! Тебя ли обнимаю? Клидемъ бывъ такъ же какъ и она тронутъ, не могъ довольно насытиться ласканiями моими, и въ чрезвычайной радости своей, видя кругъ себя множество народа, вскричалъ: смотри„те молодаго Государя вашего, сказалъ онъ „имъ, наслаждайтеся его присудствiемъ: ка„кую прiятность нахожу я въ усердiи вашемъ! „Вѣрьте мнѣ, что и онъ не меньше въ томъ „участiя имѣетъ; пекитесь токмо о его со„храненiи, и чтобъ предательство изтребясь „во адъ низверглось. Боги насъ защищаютъ, „пойдемъ воздать имъ благодарность нашу.

Мы пошли въ храмъ Юпитеровъ при шумномъ восклицанiи Книдянъ; и едва ради народнаго множества туда войти могли. Улицы, окна и кровли были вездѣ наполнены жителями, которые съ великимъ нетерпѣнiемъ меня видѣть хотѣли.

При первой сей горячести, въ которую я побужденiемъ крови приведенъ былъ, отдѣленъ будучи, такъ сказать, отъ самаго себя, почувствовалъ я прiятное всѣхъ мыслей моихъ успокоенiе; но вскорѣ по томъ узналъ, что сердце мое желало себѣ еще другаго блага, безъ котораго оно еще совершенно благополучно быть не могло. Не безъ величайшей

прискор-

прискорбности примѣтилъ я, что изъ всѣхъ придворныхъ, одна токмо Ѳеона глазамъ моимъ не явилась: мнѣ казалось невозможнымъ, чтобъ ей не знать сего приключенія, всѣмъ ужè извѣстнаго. Не зналъ чему приписать отсудствіе ея, вѣдая ея къ себѣ склонность, и ожидая съ нетерпѣніемъ того удовольствія, которое въ глазахъ ея видѣть чаялъ.

Какъ скоро только мы изъ храма вышли, и я нимало не внимая чинимые отъ другихъ вопросы, и не могши больше понести мучащаго меня безпокойства, спросилъ у Царицы съ робостію, „Для чего Ѳеоны въ провожаніи ея не было? „Ахъ, любезной мой сынъ! отвѣчала она мнѣ тихимъ голосомъ, и пожавъ мою руку, „Какую надежду подаешь ты „мнѣ? Могло ли то статься, чтобъ Мезронима „изъ памяти твоей вышла? Ты мнѣ ничего „не говоришь, и кажется, что весьма жела- „ешь видѣть любезную сестру Протасову? „Какъ достойна она владѣть сердцемъ хотя- „щимъ любить добродѣтель? Щастливой „Ифисъ! продолжала она свою рѣчь, не зна- „ешь ты еще, какимъ было ты злодѣямъ „себя предалъ, и какимъ чрезъ то опасно- „стямъ вдался.

„Простите мнѣ, милостивая государыня, „говорилъ я ей, что перебью рѣчь вашу, „я ужè все знаю, и по томъ разказалъ ей подробно всѣ чудеса Дома Молчанія. „Изрядно, сказа- „ла она, будучи возхищенна удивленіемъ и „радостію, нашедъ меня въ желаемомъ со- „стояніи, поди и соверши твое благополу- „чіе, и въ томъ больше не сумнѣвайся. Одинъ

 „изъ

,, изъ придворныхъ нашихъ, узнавъ тебя, ,, прибѣжавъ, намъ о тебѣ сказалъ: услыша ,, сїю вѣдомость любовїю къ тебѣ пылающа ,, Ѳеона пала въ обморокъ; я оставила ея въ рукахъ у ея служанокъ, чтобъ бѣжать къ тебѣ на встрѣчу, а ей приказала себя дожидаться.

Сей послѣдней знакъ любви Ѳеониной ко мнѣ, принудилъ меня заплакать. ,, Она думаетъ еще и по сїе время, говорила мнѣ Царица, ,, что ты прельщенъ Мезронимою, и ,, такъ выведи ея изъ сего ложнаго о тебѣ ,, мнѣнїя. Какое прїятство нахожу я въ со- ,, единенїи васъ другъ другу!

Откровенїе сердца матери моей возбудило и въ моемъ всѣ заразы любви и благодарности; запинаясь въ словахъ, хотѣлъ было еще говорить, какъ между тѣмъ мы во дворецъ пришли. Клидемъ радостными народа восклицанїями, и поздравленїями придворныхъ своихъ удержанъ будучи, не могъ вмѣшаться въ наши разговоры. И такъ желалъ нѣсколько времяни быть съ нами наединѣ, чтобъ безпрепятственно насытиться желанїемъ, меня видѣть, и узнать все со мною приключившееся, съ самаго нашего разстанїя.

Хотя и хотѣлось мнѣ разговоръ сей, любезную Ѳеону еще на нѣсколько часовъ отъ меня отдаляющей, отложить на краткое время, однако не возмогши тому противиться, спѣшилъ извѣстить отца моего о всѣхъ чудесахъ, коихъ былъ иногда предметомъ, а иногда свидѣтелемъ. Менеклеса такъ много ему выхвалилъ, что онъ доволенъ весьма будучи тѣмъ, что выведенъ я былъ изъ заблу-

жденія, велѣлъ его къ себѣ позвать. „Поди сюда, говорилъ ему мой отецъ, „и дозволь „обнять себя такому Принцу, которой должную тебѣ отдастъ справедливость. И дѣйствительно я обнялъ его отъ всего моего сердца, и поправивъ прежнюю свою погрѣшность истиннымъ признаніемъ, получили мы паки другъ къ другу довѣренность, составляющую истинную дружбу.

Я на́чалъ при немъ продолжать мою по́вѣсть, которая приходомъ его пресѣчена была. Онъ покраснѣлъ въ лицѣ, какъ я упомянулъ о страсти его къ Ѳеонѣ. „Любезной мой „Меноклесъ, сказалъ я ему примѣтя то въ „немъ, желаній твоихъ большая ужѐ часть „исполнилась; ты желалъ или ей нравиться, „или видѣть меня съ нею сопряженна. Любовь при семъ случаѣ уступаетъ Философіи, „повелительницѣ душѣ твоей, и объемлетъ „сердце мое тѣмъ огнемъ, которымъ ты прежде того сгоралъ: ежели Ѳеона больше про„свѣщенная, нежели склонности се́рдца сво„его послѣдующая, тебя мнѣ предпочтетъ, „то я тому повинюсь, и буду послѣдовать, „хотя умирая, данному тобою мнѣ примѣру, „принесть себя на жертву благополучію того, „что обожаю. Другъ великодушной! окончай „желаніе твое, и исполни тѣмъ хотѣніе „Амура, соединись съ страстнымъ Ифисомъ, „чтобъ упросить Царя и его склонить къ у„твержденію союза сердецъ другъ другу пред„опредѣленныхъ.

Тогда палъ я къ ногамъ Климемовымъ, описалъ ему толь сильно горячесть и чистоту

мыслей

мыслей моихъ, добродѣтели и красоту Ѳеонину, предопредѣленія божественныя такими чрезъестественными приключеніями изъявленныя, что при помощи Царицы и Менеклеса, получилъ я отъ него согласіе, исполнить бракъ мой, какъ скоро Поликратъ и Протасъ не въ состояніи будутъ обезпокоивать Дориду. Обѣщаніемъ симъ будучи еще больше тронутъ, началъ вторично разказывать съ великимъ принужденіемъ.

Отецъ мой ужаснулся, слыша отъ меня о вѣроломномъ измѣнничествѣ стараго Сострата. Письмо, писанное имъ къ сыну его въ самое то время, какъ заговоръ вышелъ наружу, пересказалъ я почти отъ слова до слова. Царь намѣрился не откладывая ни на малое время его наказать, и для того велѣлъ его позвать къ себѣ въ кабинетъ.

Придворной сей человѣкъ почелъ было себя возведенна на верьхъ своего благополучія, будучи приглашенъ къ нашему разговору. Онъ было къ тому устроилъ ужѐ и лице свое, на которомъ хитросмѣшенная съ пріятностію радость являлась. Началъ прежде поздравлять своего государя съ великимъ возхищеніемъ о благополучномъ моемъ возвращеніи. Измѣнникъ, „ говорилъ ему Царь грознымъ голосомъ, „ „ долго ли тебѣ будетъ во зло-употреблять „ мою довѣренность? Знаю ужѐ я всѣ често- „ любные твои умыслы; „ говори сынъ мой, сказалъ онъ мнѣ взглянувъ на меня, „ изо- „ бличи продерзость неблагодарнаго и клят- „ вопреступнаго подданнаго, которой стоялъ „ бы на колѣнахъ предъ Протасомъ, естьли

„ бы

„ бы могъ его увѣнчать, а теперь дерзаетъ „ обнимать мои ноги, не инако какъ будто „ бы мнѣ вѣренъ былъ.

Сострать увѣренъ будучи, что не возможно его изобличить въ измѣнѣ, не имѣя о томъ нималѣйшаго свидѣтельства, паки было ободрился, и хотѣлъ себя извинить со вредомъ Меноклеса, о которомъ сказывалъ, что онъ его потаенной злодѣй. Новая сія ложь еще больше меня оскорбила: Я пресѣкъ его рѣчь; и упрекалъ ему хитрое его поведеніе, порочныя его намѣренія и на конецъ то злодѣйское письмо, о которомъ онъ думалъ, что никто про него не зналъ: я жъ ему его слово отъ слова наизусть прочелъ.

Послѣднее сіе изобличеніе, привело его въ такой непорядокъ, что онъ не спросивъ меня о томъ, какъ я то узналъ, прибѣгнулъ къ подлому средству и слезамъ, чтобъ возбудить къ себѣ милость Царя. Поди, сказалъ ему сей милосердой государь, „ я щадя твою „ старость, на поминаю прежнія твои услу„ ги, но не могу стерпѣть присудствія твоего. „ По крайней мѣрѣ долженъ я освободить „ Дориду отъ хотящихъ терзать ея возму„ тителей. Выди изъ моихъ областей, и страшись въ оныя паки войти. Отчаянной сей благодаря за то, обѣщалъ во всемъ покориться и вышелъ вонъ.

По учиненіи сего правосудія, приказалъ мнѣ отецъ мой продолжать рѣчь, и я началъ паки говорить: „ описаніе Эгедиппы возбуди„ ло въ немъ къ ней презрѣніе: она ужè „ довольно наказана тѣмъ, сказалъ мой отецъ,

„ что

„что качество ея извѣстно учинилось, и я
„не нахожу за потребно мстить ей за ея
„продерзости инымъ образомъ. Прельщенные
„ухищреніями честолюбивыхъ женщинъ боль-
„ше наказанія достойны: слабости нашей
„извѣстна вся сила ихъ.

По семъ описалъ я все, что ни видѣлъ въ чудесномъ кабинетѣ, короткими словами, желаніе видѣть Ѳеону не дозволяло мнѣ подробно все разсказать, кромѣ того, что до него касалось, и что еще при томъ страсть мою ласкало. Онъ самъ примѣтилъ, что движеніе сердца моего приводило духъ мой въ непорядокъ.

Съ самаго того мгновенія ока, въ которое надежда моя о будущемъ моемъ благополучіи вѣрнѣйшимъ обѣщаніемъ подтверждена была, не могъ я ничего порядочнымъ образомъ выразить. Терзался нетерпѣніемъ открыть Ѳеонѣ возторги любви и радости, которыми чувства мои упоены были. Взглядывалъ на мать мою съ робостію, она узнала безгласную сію мою прозьбу, чтобъ итти въ ея покой, гдѣ Ѳеона непремѣнно быть должна была; и для того усмѣхнувшись дала знать Клидему, что уже я въ разсужденіи страсти моей довольно принужденія терпѣлъ. „Я тебя больше не удерживаю, сказалъ онъ мнѣ съ отмѣнною милостію, „ увидь Ѳеону,
„рука ея зависитъ теперь отъ ея сердца, и
„тебѣ надлежитъ обоихъ достойнымъ себя
„учинить.

По сихъ словахъ пошла мать моя вонъ облегшись на мое плечо, и начала нарочно со

мною говорить о вещахъ со всѣмъ инаго содержанія, въ разсужденіи моей склонности; происходящее же во мнѣ было причиною, что я ей ни на что надлежащаго отвѣта дать не могъ.

Не знаю, какая боязнь еще соединилась съ моимъ нетерпѣніемъ, и неизвѣстной нѣкой страхъ приводилъ меня въ слабость по мѣрѣ приближенія моего къ покоямъ Царицы матери моей. „Отъ чего ты, говорила она мнѣ, „такъ трепещешь? Куда дѣвалась природная „твоя бодрость? Я было думала, что ты „полѣтишь (а не пойдешь) Ѳеонѣ; теперь „же ссмнѣваюсь, будешь ли имѣть столько „силы, чтобъ до нея дойти.

„Ахъ милостивая государыня, отвѣчалъ я ей тогда слабымъ голосомъ, „какое ето „время! къ Мезронимѣ я ничего такого не „чувствовалъ, чтобы хотя въ са́мой мило„сти подобно было тому, что я теперь „ощущаю! Къ первой имѣлъ я только не обу„зданное одно стремленіе, коего источникъ „внѣ се́рдца моего былъ. Но не смотря на „то, порицаю себя въ первомъ своемъ заблу„жденіи, почитая то учиненною Ѳеонѣ не„справедливостію, которая дѣлаетъ меня „любви ея недостойнымъ. Кто оправдаетъ „меня въ томъ, что я ея и всегда не обо„жалъ? Почтеніе, удивленіе и любовь его во „мнѣ возбужденныя будутъ ли въ состояніи „наградить потерянное время въ напрасныхъ „вздохахъ у ея совмѣстницы.

„Не сумнѣвайся въ томъ, отвѣчала мнѣ на то мать моя, „она тебя любила тогда, „когда

„когда ты еще ею не былъ страстенъ, а „теперь полюбя ея, будешь ли ею меньше любимъ? Въ то самое время отворили двери, первое же, чего я искалъ, и что увидѣлъ, была Ѳеона.

Я нимало не предпринимаю изъяснить какимъ безпокойствомъ и движенїемъ, увидя ея душа моя и всѣ чувства мои исполнились, и въ какое боренїе пришли. Она подошла къ намъ на нѣсколько шаговъ съ боязненнымъ видомъ и потупленными глазами. „Подите сюда, говорила ей Царица, „и примите съ „согласїя моего горячестїю исполненнаго къ „вамъ любителя и супруга. Я веталъ передъ нею на колѣна. „Дражайшая Ѳеона! вскричалъ я тогда, взявъ у нея руку безъ малѣйшаго ея супротивленїя, и смочивъ ея „слезами: любви достоинѣйшая Ѳеона! тебя „я вижу! . . . Тебя одну обожаю! . . и уми„раю! . . . .

Выговорила сїи слова, здѣлалось въ крови моей толь великое движенїе, что я со всѣмъ сталъ безгласенъ. Всѣ мои душевныя силы соединены были по видимому въ однихъ моихъ глазахъ, которые устремилъ на Ѳеону съ такимъ огнемъ, что и она тѣмъ тронута была. Во взорахъ ея примѣтилъ я то сладостное изображенїе, которое любовь производитъ и непорочность скрыть не умѣетъ. Нѣжное старанїе ея, чтобъ отвесть отъ меня одну руку, которую запекшїяся уста мои довольно нацѣловать не могли, подало мнѣ и другую, которую принявъ, почувствовалъ я, что она мои руки весьма легко было пожала,

пожала, однако вскорѣ одумавшись то оставила. Всемогущіе Боги! коль выразительно было наше молчаніе! коль краснорѣчивы были взгляды наши! и какую сладость сердца наши другъ другу сообщали!

Ѳеона первая начала говорить, оставивъ меня съ омѣнною нѣжностію въ моихъ восхищеніяхъ. „Что слышу я! „и что вижу! сказала она, будтобы въ себя пришедъ отъ безпамятства? Ифисъ передо мною на колѣ-„нахъ! Ифисъ клянется мнѣ, что меня лю-„битъ! Какое для меня позорище! Ахъ, „милостивѣйшая государыня, продолжала она рѣчь свою, обратившись къ Царицѣ, „не приведеніе ли? „Никакъ отвѣтствовала ей на то мать моя, „присудствіе мое, моя „радость, и все то, что я вамъ ни говорю, „подтверждаетъ истинну клятвъ Ифисо-вныхъ. „Какъ, сказала Ѳеона, подошедъ комнѣ, „сердце ваше больше ужѐ не обманы-„вается? Мезронима. . .

„Постойте, вскричалъ я усиляся, не „упоминайте больше сего мнѣ ненавистна-„го имяни; престаньте приводить мнѣ на „память такую мою слабость, о кото-„рой я безъ угрызенія совѣсти моей вспо-„мнить не могу, не обманываетесь ли вы са-„ми, дражайшая Ѳеона, въ томъ, что „не отличаете настоящихъ моихъ мыслей „отъ первыхъ заблужденій моего сновидѣ-„нія, которыя по возбужденіи моемъ раз-„судокъ мой порочитъ? Нѣтъ, Ѳеона! „нѣтъ, я никогда и никого кромѣ васъ не „любливалъ: порочныя хитрости честолюб-

,, ной женщины прельстили весьма на короткое
,, время неразсудную мою юность. Была ли
,, то любовь, что она во мнѣ возбуждала?
,, Ахъ, Өеона! вы краснѣетесь!

Царица, пресѣкши мою рѣчь, сказала ей чудесныя средства, насъ другъ другу сохранившія. ,, Любовь возвращаетъ сына моего премудрости, говорила она, смотря на Өеону, ,, а премудрость препоручаетъ васъ
,, любови, пускай бракъ васъ соединитъ; я
,, того желала, Клидемъ на то согласенъ;
,, Ифисъ знаетъ, что онъ вамъ милъ; Боги
,, сами его о томъ извѣстили: и такъ не
,, противтесь согласіемъ вашимъ на то, совер-
,, шеннымъ учинить его благополучіе.

Өеона нѣсколько обезпокоясь тѣмъ, что тайна сердца ея была ужѐ мнѣ извѣстна, не могла на меня смотрѣть безъ смущенія; однако искренна будучи и страстна, не знала того обманчиваго искусства, которое любителя ведетъ по степенямъ къ познанію его удовольствія; сіе искусство, которое иногда подаетъ надежду, а иногда ея паки истребляетъ; которое производитъ супротивленіе, а по томъ откровеніе, бываетъ только для того, чтобъ человѣка больше въ страсти его раздражить.

,, Такъ, мой Принцъ, говорила она мнѣ,
,, Боги не измѣнили меня, возбудивъ въ васъ
,, соотвѣтствіе къ моей горячности; да, я
,, васъ люблю и нѣтъ ли кого, о! Всемогущее
,, божество, кромѣ тебя, свидѣтелей сей мо-
,, ей любови? Кому не открыла болѣзнь моя
,, сей тайны? Сами сіи стѣны повторили бы

,, еще

„ еще вопль и жалобы такой злощастной, ко-
„ торая готова будучи умереть, ничего не
„ щадила, ежели бы только сіи стѣны могли
„ быть нескромны!

„ Ахъ, Ѳеона, вскричалъ я, ставъ вторично передъ нею на колѣна, имѣй жалость
„ надъ моимъ сердцемъ, которое не можетъ
уже больше понесть толь великихъ возхищеній. И такъ подлинно, что вы меня любите: уста ваши въ томъ меня увѣряютъ!
„ Что я говорю . . . . Не щадите меня . . . .
„ Пускай я умру, и умру отъ радости . . . По-
„ вторите еще, что я вамъ милъ . . . . Моя
„ любовь и теперь таковажъ, какова и была, то-
„ кмо что чрезвычайность ея не ожидала такой
„ себѣ награды; она проходя сквозь, напол-
„ няетъ сердце мое, заставляетъ молчать бла-
„ годарность; чувствую, что васъ обожаю;
„ и вотъ все то, что я чувствую!

Мать моя дѣйствіемъ симъ въ жалость приведенная обняла насъ обоихъ. Мы благодарили ей за то такими непорядочными словами, которыя увѣряютъ больше всякаго краснорѣчія о томъ, какъ много почитается оказанное благодѣяніе. „ Вы знаете, сказала она намъ, „ что брачное ваше соче-
„ таніе не можетъ исполниться до начатія
„ войны съ Поликратомъ; все уже къ тому
„ готово, а осталось только усмирить Про-
„ таса. Воины окружающіе тотъ храмъ, въ
„ которомъ онъ убѣжище находитъ, стано-
„ вятся надобны къ другому намѣренію. Свой-
„ ство, которымъ мы съ его сестрою обязы-
„ ваемся, отвѣчалъ я, заставляетъ насъ, о-

,, казать ему всякую милость и снисхожденіе.
,, Безъ сумнѣнія, сказала Царица, однако и
,, кромѣ сего, какимъ образомъ пріуготовлять-
,, ся вдругъ къ торжеству и войнѣ?

,, Среди самой славы, пресѣкла Ѳеона рѣчь, ,, коль горестно видѣть мнѣ, злодѣй-
,, ство въ родѣ моемъ! Сколь много буду я
,, вами обязана, когда ихъ великодушно про-
,, стите! Можетъ быть, что я, увидя бра-
,, та своего, приведу его въ послушаніе. По-
,, теряніе вольности не такъ еще великое
,, наказаніе, чтобъ онъ самъ себя тому не
,, подвергнулъ. Представлю ему, что онъ къ
,, спасенію своему, никакого инаго средства
,, не имѣетъ, кромѣ государя своего милости,
,, и что отверженіемъ ея невозвратно себя
,, погубитъ.

Царица весьма похвалила сіе ея мнѣніе; однако я, вспомнивъ съ ужасомъ то время, когда онъ книжаломъ поразить хотѣлъ Ѳеону, очень тому противился, чтобъ не влать ея чрезъ то вторично такой же опасности. Онаже, не предвидя для себя никакой боязни, подкрѣплена была въ томъ моею матерію, которая предпріемлемыми отъ того предосторожностьми страхъ мой изтребить думала.

И хотя я на то и согласился, однако съ тѣмъ, чтобъ и мнѣ самому быть при ихъ разговорѣ. Ѳеона же тогда, въ разсужденіи меня, была въ такомъ же безпокойствѣ о томъ, чего я для нея страшился. На конецъ уговорились мы быть при томъ обоимъ, и для избѣжанія всякаго нечаяннаго случая, вздумали

мали, здѣлать приказать между нимъ и собою перегородку, которая и къ его безопасности служить могла, когда онъ захочетъ съ нами договариваться надлежащимъ образомъ, и ежели Царь согласится къ такому рѣдкому начинанію въ разсужденіи разгнѣваннаго Монарха и бунтующаго подданнаго. Мать моя приняла на себя сей трудъ, чтобъ окончить какъ наискоряе не большое сіе междоусобіе Книдъ обезпокоивающее, объявляя при томъ, что ужѐ время мнѣ итти въ царскіе чертоги, и что она въ свои комнаты прикажетъ впускать приходящихъ.

Изъ вшедшихъ первой былъ Меноклесъ, и вскорѣ по томъ народу такъ умножилось, что мы чрезъ то меньше принужденія терпѣли. Спокойной Ѳеонинъ видъ сталъ еще гораздо прелестьнѣе, и я почерпалъ во взорахъ ея чистѣйшее и непрестанное удовольствіе. Меноклесъ поздравилъ насъ подобострастнымъ и спокойнымъ лицемъ. Я страшился, чтобъ его сіе нашего благополучія позорище не раздражило, и сія мысль меня опечалила. Онъ, примѣтя унылость мою, спросилъ меня о причинѣ того: я признался въ томъ предъ нимъ безъ всякаго утаенія; однако онъ клялся мнѣ, что Философія одержала побѣду надъ склонностію его къ Ѳеонѣ: что одно токмо удивленіе сію склонность въ немъ возбудило и уничтожило, и что на конецъ видитъ онъ союзъ нашъ съ радостію какъ другъ, съ холодностію же, какъ такой человѣкъ, до страсти котораго сіе нимало не касается.

За сїе засвидѣтельствовалъ ему съ должною похвалою благодаренїе, почувствовалъ я въ себѣ новое удовольствїе, которое до того несовершеннымъ казалось, для того что думалъ любовїею моею къ Ѳеонѣ и ея на то соотвѣтствїемъ ущербъ учинить покою друга моего.

Тотъ прїемъ, котораго я удостоилъ прежнихъ моихъ любимцовъ, прославилъ благодарность мою къ Гарпократу и желанїе мое, чтобъ угождать Ѳеонѣ, отличая настоящїя достоинства отъ принятыхъ наружныхъ видовъ. Сколько было такихъ людей, которыхъ и наисокровеннѣйшїя сердецъ ихъ тайности въ Домѣ Молчанїя мнѣ явлены были; льстецы, помышляя меня притворствомъ своимъ обмануть, сами отвратительными моими взорами въ унынїе пришли. Всѣмъ придворнымъ оказалъ я милость; нѣкоторымъ мое благоволенїе, другимъ же напротивъ того мою любовь по мѣрѣ изъясненїй о каждомъ, виденныхъ мною на стальныхъ стѣнахъ.

Сїя поступка моя была мнѣ удачна. Отдаляя отъ себя непотребныхъ, допуская же къ себѣ почтенїя достойныхъ, здѣлалъ я то, что они сами собою на́-двѣ части раздѣлились такъ какъ золото отдѣляется въ горну отъ другихъ смѣшенныхъ съ нимъ металловъ. Тогда узналъ я, что люди съ природы ищутъ общенїя, что пороки иногда собираютъ ихъ въ мѣсто, добродѣтель же одна ихъ сопрягаетъ.

Нѣсколько дней прошло въ великолѣпныхъ пиршествахъ. Наизнатнѣйшїе старались одинъ

динъ передъ ругимъ праздноватъ возвращенïе мое съ отмѣнною славою. Среди всѣхъ сихъ забавъ не находилъ я никакой почти веселости кромѣ той, которую чувствовалъ въ обожанïи Θеоны, и взаимной ея ко мнѣ любви. Духъ ея и разумъ возхищали меня непрестанно. Мнѣ дозволено было видѣть ея повсеминутно, и повсеминутно находилъ я новыя причины, побуждающïя меня къ ея боготворенïю.

Однако какимъ чудеснымъ образомъ, сказалъ я ей въ одно время, могъ я тронуть сердце ваше, а особливо тогда, когда заблужденïя мои, мои слабости, пороки и оплошности необузданной юности должны были васъ отвращать отъ сей для меня толь благополучной мысли? Я уже васъ знала, отвѣчала она остроумно: и знала васъ еще лучше, нежели вы сами себя. Всѣ мысли ваши были чисты, а не доставало вамъ одного токмо искусства въ выборѣ того, въ чемъ имъ упражняться надлежало. Вкусъ вашъ во всѣмъ былъ хотя стремителенъ, однако деликатенъ: и вамъ должно было только умѣть противиться вкусу тѣхъ, кои васъ въ стремленïе приводили. Всѣ понятïя ваши были велики и чрезвычайны съ небольшимъ токмо порядка и размышленïя недостаткомъ. Благородная душа, душа рожденная къ геройству; отмѣнной и проницательной разумъ, тихое, прïятное и постоянное свойство сердца, довольно доказанное прелестнымъ и величавымъ наружнымъ видомъ, извиняютъ весьма страсть мою и мое познанïе.

Простительно ли мнѣ повторить такую похвалу, о которой повидимому скромности моей умолчать надлежало? Но какое прїятство имѣла она въ устахъ обоженной любовницы! Она безъ сумнѣнїя меньше выразила то, каковъ я былъ, нежели какову мнѣ впредь еще быть долженствовало, придавъ токмо одно мое имя украшенному сему описанїю, въ которомъ позналъ для себя такой образецъ, коему подражать тщетное мое всегда старанїе было.

Просвѣщенной Ѳеонинъ разумъ и мое искусство прїучили меня слушать ласкательство безъ боязни, и хулу безъ огорченїя. Всѣ Книдскїе стихотворцы посвятили мнѣ свои пѣсни: побѣды, которыхъ я никогда не имѣлъ, славныя дѣла̀, о которыхъ и не слыхивалъ, приписаны были мнѣ Парнасскими сестрами безъ разбору; одинъ токмо изъ нихъ сыскался такой, которой, скрывъ имя свое, научалъ меня въ стихахъ своихъ, остроумнымъ весьма образомъ, имѣть почтенїе къ Философїи, и не презирать усердїе гражданина; во всемъ сочиненїи употребилъ онъ больше совѣтовъ, нежели похвалы, больше разсужденїя, нежели увеличиванїя, и на конецъ больше истинны, нежели украшенїя. Втотъ часъ всѣ почти придворные возстали противъ такой дерзости. Надобно было слушая ихъ, его сыскавъ наказать, ажъ довѣдавшись о немъ, далъ ему за то награжденїе.

Во время сихъ пировъ и празднованїй помышлялъ Клидемъ о возстановленїи покоя въ своихъ областяхъ. Весьма много было такихъ

потаенныхъ мятежниковъ, которые ожидали съ нетерпѣнїемъ отъ судьбы Протасовой, оставить ли имъ его сторону или явно къ нему пристать. Бунтовщикъ сей возвращенїемъ моимъ нимало не лишился прежней своей отваги, и сїе приключенїе отнявъ у него всю надежду, усугубило еще его неустрашимость. Между тѣмъ не отрекся онъ отъ дозволеннаго намъ Царемъ съ нимъ свиданїя; однако согласился на то не инако, какъ гордой побѣдитель.

Мѣсто, день, часъ и договоры были назначены. Я пошелъ туда съ Ѳеоной съ надлежащимъ прикрытїемъ. Народъ бѣжалъ туда толпами. Мезронима въ тотъ часъ явилась. Сїя красотою своею, своимъ достоинствомъ и искусствомъ гордящаяся жрица думала еще меня прельстить. Начала говорить, жалуясь на подозрѣнїя, коими ея оклеветать посмѣли. Напоминала мнѣ любовь мою къ себѣ, свое сопротивленїе, и на конецъ свою чувствительность, и упрекнувъ мнѣ мое непостоянство, пришла въ сожалѣнїе; описала мнѣ то отчаянїе, въ которое мнимымъ моимъ потерянїемъ приведена была, и изъявила права свои къ возшествїю на Престолъ, которыя смертїю было моею, дѣйствительными учинились; признавалась, что честолюбивой больше, нежели вѣрной Протасъ употребилъ во зло ея довѣренность и ея имя, къ начатїю такова возмущенїя, въ которомъ оно нималаго участїя не имѣла; клялась мнѣ, что хотѣла только утвердить право свое къ прїятїю скипетра по Клидемѣ, совѣтовала мнѣ наказать

измѣнника своей ради любви въ плѣну ея удержавшаго; уступала сердце мое Ѳеонѣ съ болѣзнію, однако взорами своими повидимому употребляя всю свою хитрость назадъ его требовала.

Ѳеона, не имѣя нужды вступать съ нею въ рѣчь, прочь отошла, и ожидала съ нетерпѣніемъ конца такому разговору, которой страшенъ ей казался; однако холодность моя ея паки успокоила. Мезронимѣ я ничего больше не отвѣчалъ, какъ токмо, что въ Домѣ Молчанія имѣлъ удобное время и средство познавать сердца; по чему и насокровеннѣйшія мысли ея здѣлались мнѣ извѣстными; что она въ разсужденіи пола своего и достоинства получитъ почтеніе; а въ прочемъ бы отъ всѣхъ другихъ требованіяхъ отказалась. Ярость вступила тогда на мѣсто краснорѣчія. Она называла меня всѣми ненавистными имянами и угрожавала отмщеніемъ, какъ между тѣмъ Протасъ къ намъ подошелъ.

„Чудесное приключеніе возвращающее тебя Книду, говорилъ онъ мнѣ, „не издивляя мо-
„его вѣроимства, требовало прежде точнаго
„о всемъ собственнаго моего свидѣтельства;
„могъ думать я, что какой ни будь обман-
„щикъ, Клидемомъ подущенной, и съ тобою
„сходство имѣя, здѣсь тебя представляетъ,
„однако я толь подлъ не буду, и не при-
„творюсь, что тебя не знаю. Да, ты И-
„фисъ, вижу то, и сверьхъ мѣры чувствую
„то по моей къ тебѣ ненависти. О чемъ
намѣренъ ты со мною говорить?

„Толь

Толь наглая подерзость весьма меня раздражала, однако присудствіе Өеоны, а можетъ быть и напоминаніе прежней моей къ нему дружбы, такъ же страхъ, чтобъ не нарушить договоры наши, и быть на конецъ принуждену поступить съ строгостію, смягчили гнѣвъ мой. „ Забудемъ теперь, сказалъ я ему, тѣ причины, кои побуждаютъ насъ ненавидѣть другъ друга. Я намѣренъ предложить тебѣ примѣреніе на весьма сносныхъ договорахъ, и которые, думаю „ я, отметнуть ты не въ состояніи. Безъ „ войска, безъ друговъ, съ одною токмо Меронимою, думаешь ли ты произвесть въ „ дѣйство дерзкіе твои и несправедливые умыслы? Съ сею бѣдственною отечеству „ твоему неустрашимостію ищи лучше щастія въ иныхъ областяхъ, или согласись „ принять не себя оковы.

Чтобъ удобнѣе его къ тому склонить, выговорила Өеона все то, къ чему должность, разумъ, необходимость и родственная любовь ея побудить могла. „ Какъ много „ обязанъ я, говорилъ онъ ей, злобно усмѣхнувшись, „ стараніями такой сестры, которая предлагаетъ мнѣ неволю или изгнаніе, „ которая предпочитаетъ безопасность Тиранна славѣ своего дома; и которая на конецъ „ соизволяетъ уговаривать вольнаго и великодушнаго гражданина, повиниться законамъ „ подлаго человѣка, для одного того токмо, „ что онъ изъ Спарты произшелъ!

„ Постой, вскричалъ я, пресѣкши его рѣчь, „ ты любовь мою къ Өеонѣ и мое терпѣніе

„ несно-

,, несноснымъ образомъ и долгое ужè время
,, во зло употребляешь. Ежели бы по щастїю
,, твоему не былъ съ нею въ толь близкомъ
,, родства союзѣ: то Клидемъ, не откладывая ни на малъ часъ, увѣрилъ бы твою продерзскую кичливость, что власть его здѣсь
,, законна; что вручена ему съ согласїя всего
,, здѣшняго народа, что Грецїя, отъ которой
,, Дорида имѣетъ свое начáло, не могла учинить
,, Книду лучшаго и драгоцѣннѣйшаго подарка,
,, какъ давъ ему толь великодушнаго Царя,
,, которой имѣетъ право и силу, отсѣчь винную голову.

,, Молодой человѣкъ, отвѣчалъ онъ мнѣ
,, съ презрѣнїемъ, не думаешь ли ты, что
,, угрозы твои меня устрашаютъ? Ты не знаешь еще, какое средство къ своему избавленїю можетъ предприять человѣкъ, великаго духа? Я нерожденъ къ тому, чтобъ тебя слушать, и ты едва, будучи мнѣ равенъ, смѣешь ужè говорить мнѣ повелительнымъ образомъ? Мезронима, которую
,, собственная ея злоба изъ разсудка выводила,
,, ободрясь примѣромъ необузданнаго Протаса,
,, думала, что можетъ быть онъ въ состоянїи
,, себя находить, въ дѣйство произвесть злой
,, свой умыселъ, смѣя со мною такъ дерзко
,, говорить, и для того хвалила его намѣренїе, обѣщала ему послѣдовать, старалась
,, здѣлать движенїе въ народѣ, объявляла,
,, что Венера отмститъ жрицу свою всѣмъ
,, тѣмъ, которые, слыша рѣчи ея, не примутъ оружїя въ ея защищенїе, заклинала
,, кости умершихъ своихъ предковъ, требуя
,, отъ

„ отъ нихъ помощи, и сняла съ себя на ко-
„ нецъ свое покрывало, чтобъ найти себѣ
„ тѣмъ удобнѣе защитниковъ.

Протасъ, подождавъ нѣсколько времяни, какое дѣйствїе будетъ по себѣ имѣть призыванїе ея, и ея красота, однако не видя въ народѣ никакого для себя полезнаго движенїя, сказалъ Мезрониму, взглянувъ на нея звѣрскимъ видомъ: „ Престаньте, государыня моя, пре-
„ станьте ожидать вѣрности и усердїя, отъ
„ такихъ невольниковъ, которые, ни во что
„ вмѣняя собственную свою свободу, не чув-
„ ствуютъ, или не хотятъ чувствовать на-
„ ложенныхъ на нихъ оковокъ. Гордой и много
„ мнящей о себѣ Ифисъ, говорилъ онъ еще,
„ Протасъ безъ убѣжища, безъ обороны, не
„ имѣетъ, какъ тебѣ кажется, ничего кро-
„ мѣ выбора между изгнанїемъ и темницы"
„ Я хотѣлъ твоей жизни и скипетра, теперь
„ же надобно отдать тебѣ Мезрониму и се-
„ бя самаго" Смотри, сказалъ онъ, поразивъ
„ кинжаломъ въ сердцѣ сей нещастной, а по
„ томъ себя самаго, вотъ какъ покаряются
„ такїя души, каковы суть наши.

Ѳеона закричавъ, побѣжала было удержать руку брата своего, однако онъ уже былъ бездыханенъ. Я отторгнувъ ея отъ сего плачевнаго позорища, проводилъ ея въ покои, здѣлавъ надлежащїя въ такомъ случаѣ распоряженїя.

Амуръ, толь долгое время отъ храма матери своей удаленной, явился въ немъ паки. Свѣтлое облако надъ олтаремъ низпустившееся, провозвѣстило прибытїе прелестнаго

стнаго божества, изъ памяти всѣхъ почти уже вышедшаго. Сей Богъ возвращенїемъ своимъ радостїю Книдъ исполнилъ, обогатилъ его своими милостьми, которыми городъ сей вскорѣ и въ сладостномъ покоѣ наслаждаться началъ.

Поликратъ, достигшей къ концу благополучїя своего и своихъ дней, погибъ измѣною Ореста, Сатрата Перскаго, и Губератора города Сардеса. Самосъ, перемѣнивъ Тиранна, перемѣнилъ свои намѣренїя. Войско его, Греческїя поселенїя угрожающее, было употреблено къ другимъ надобностямъ. Старанїями Клидема и смертїю бунтующихъ успокоенная Дорида, помышляла токмо о успѣхахъ въ добродѣтели, въ наукахъ и художествахъ. Аристагоръ остался союзникомъ; Книдъ получилъ прежнее свое великопѣпїе. Θеона, оплакавъ смерть своего брата, съ подаянїемъ своей руки, даровала мнѣ свое сердце. Эгедиппа удалилась отъ двора; Меноклесъ здѣлался мнѣ Менторомъ и другомъ, и я соединилъ въ себѣ прїятность тихаго нрава, восхищенїе истинной любви, вкушенїе непорочныхъ забавъ, сладость нелицемѣрной дружбы и желанїе, учинить себя достойнымъ почтенїя согражданъ моихъ и потомства.

КОНЕЦЪ.

